

Клара Наумовна БЕРКОВА

Поль ГОЛЬБАХ

М.: "Красная новь", Главполитпросвет. 1923

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

ВВЕДЕНИЕ

1. Французские просветители XVIII века
2. Гольбах. - Биография. - Личность. - Влияние Гольбаха. - Гольбах как материалист

"СИСТЕМА ПРИРОДЫ"

ГЛАВА 1. Предисловие к "Системе Природы"

ГЛАВА 2. Натурфилософия. - Понятие о природе. - Материя. - Движение

ГЛАВА 3. Натурфилософия. - Закономерность явлений. - Порядок и беспорядок. - Случайность

ГЛАВА 4. Антропология. - Человек, как частица природы. - Физическая природа "души" человека. - Зависимость души от тела. - Ощущение, как основа душевной деятельности. - Вопрос о происхождении человека

ГЛАВА 5. Этика. - Интерес как главный двигатель действий человека. - Отношение между личным интересом и общественным благом. - Добродетель и порок. - Чувственное наслаждение и прочное счастье. - Правильно понятый личный интерес как основа нравственности

ГЛАВА 6. Политика. - Общественный договор. - Происхождение правительства. - Роль закона. - Задачи просвещенной политики. - Связь между дурными законами и дурными нравами. - Борьба с преступностью при свете материалистического учения. - Заключение

ГЛАВА 7. Происхождение идеи божества. - Происхождение религиозного культа

ГЛАВА 8. Внутренние противоречия идеи божества. - Объяснение мирового зла. - Первородный грех. - Награды и наказания в будущей жизни. - Непостижимость и другие атрибуты божества. - Роль традиции и авторитета в религиозном культе. - Бессмысленность молитвы

ГЛАВА 9. Доказательства существования бога. - "Врожденность" идеи божества. - Откровение. - "Гармония" природы, как свидетельство премудрости ее творца. - Деизм и его внутренние противоречия

ГЛАВА 10. Идея божества с утилитарной точки зрения. - Влияние религии на развитие наук. - Природа как единственный источник морали. - Противоречие между требованиями природы и религии.

ГЛАВА 11. Атеизм как логический вывод из всего предыдущего. - Совместимость атеизма с моралью. - Необходима ли религия народу? - Религия - опиум народов. - Атеистическое общество будущего

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Речь государственного обвинителя, на основании которой присуждены к сожжению "Система Природы" и другие произведения Гольбаха.

[Подборка материалов о Поле Анри Гольбахе](#)

[Священная зараза, или естественная история суеверия](#)

[А.Герцензон. Уголовно-правовая теория Марата](#)

[М.Кочарян. Поль Гольбах](#)

[Биографическая справка и сочинения](#)

[В.Лега. Философия нового времени. Французское Просвещение](#)

[А.Огурцов. Философия науки эпохи Просвещения](#)

[М.Гернет. Социальные факторы преступности \(из истории правовой мысли\)](#)

[Другие работы К.Н.Берковой](#)

В в е д е н и е.

I.

Предлагаемый очерк посвящен учению одного из крупнейших французских мыслителей XVIII века, известных под именем «просветителей». В XVIII столетии Франция стала ареной широкого умственного движения, приковавшего к ней взоры всего цивилизованного мира. Чтобы понять социальную основу этого движения, необходимо представить себе картину классовой борьбы, разыгравшейся в стране в ту эпоху. Феодално-цеховая организация производства старой Франции породила три сословия, весьма неравные в численном отношении. Соответственно руководящей роли феодалного дворянства и духовенства в процессе производства, вся власть в стране принадлежала монархии, опиравшейся на два привилегированных сословия, дворянство и духовенство, общая численность которых не превышала 270.000. Третье сословие, представлявшее собою остальную 25 миллионную массу населения, было лишено всяких политических прав. На него ложилась вся тяжесть налогов и повинностей, ему принадлежало не больше одной трети французской земли. В состав третьего сословия входили самые разнообразные элементы: торгово-промышленная буржуазия, крупные финансисты и интеллигенция, городские ремесленники и наемные рабочие, сельские фермеры и крепостные крестьяне, банкиры и поденщики. Вся эта пестрая масса была объединена сознанием общности своего бесправия и чувством ненависти к привилегированным сословиям.

Монархическая власть во Франции опиралась на два высшие сословия. Обе стороны находили выгоду во взаимной поддержке. В то время, как на дворянство и духовенство сыпались, как из рога изобилия, колоссальные

сословные привилегии, — дворянство ревностно поддерживало абсолютную монархию своей шпагой, а духовенство — своей проповедью. Господствующая идеология вполне соответствовала интересам высших сословий. Королевская власть «божьей милостью», и святая церковь католическая со своим главой, наместником апостола Петра на земле, возводились на степень незыблемых авторитетов. Всякая критика существующего строя строго преследовалась, как безбожное вольнодумство и дерзкое отщепенство от заветов официальной религии, вне которой нет спасения. Проповедуя евангельское изречение «Кесарево — Кесарю, а божие — богу», церковь охотно смешивала божие с церковным, а королевские подачки в пользу благотворительных учреждений, находившихся в ее ведении, и «безгрешные доходы» от монастырских мощей и других католических святынь — со своим собственным колоссальным имуществом. Своей роскошью и развратом духовная аристократия не уступала светской.

Но при всем своем внешнем блеске, оба высшие сословия в XVIII веке с авансцены истории сходили на задний план. По мере того, как феодально-цеховое хозяйство вытеснялось капиталистической промышленностью, они утрачивали свою роль в экономической жизни страны. Постепенно дворянство и духовенство, столь деятельные в эпоху своего расцвета — в средние века — из производящих сословий превратились в туеядцев, живущих на счет государства, или точнее, в паразитов на теле униженного и презираемого третьего сословия.

Та же капиталистическая промышленность, которая сводила на-нет хозяйственную роль высших сословий, выдвигала на первый план один из общественных классов, созревших в недрах третьего сословия — буржуазию. В ее руках сосредоточивались движимые капиталы, фабрики и заводы — словом, значительная часть материальных богатств страны. Ее роль в процессе производства была первенствующей. Бесправная политически, буржуазия была прекрасно вооружена в экономическом отношении. В лице наиболее передовых своих представителей, буржуазия ясно сознавала, что ее экономическое господство должно неизбежно привести к переходу власти в ее руки. Так, один из видных членов Учредительного Собрания, Барнаб, пи-

сал в своей книге «Introduction à la Révolution Française» (Введение к французской революции): «Новое распределение богатств вызывает новое распределение власти... промышленная собственность выдвигает власть народа...» Мы видим, что буржуазия в борьбе против высших сословий говорила от имени 25 миллионного народа. Любимыми ее лозунгами были: «власть народа», «общественное благо». И она была по своему права. Различие классовых интересов между буржуазией и другими общественными группами, входящими в состав третьего сословия, обнаружилось лишь во время революции. Пока, до захвата власти буржуазией, на протяжении почти всего XVIII века все эти группы были объединены одним общим стремлением — сломить власть дворянства и духовенства. И революционным авангардом их была буржуазия. Ее идеи, казалось, формулировали требования всего народа.

Сильная своим экономическим могуществом и поддержкой широких масс населения, революционная буржуазия превосходно владела еще одним оружием — образованием. Она выделила из своей среды просвещенную интеллигенцию, красноречиво защищавшую ее интересы с пером в руках. Целая плеяда высокоталантливых писателей, с Вольтэром и Руссо во главе, своей блестящей литературной деятельностью сделали Францию центром умственной жизни всей Европы. В противовес идеологии высших сословий, отражавшей интересы старого порядка, эти буржуазные просветители выставили свою новую революционную идеологию. Вместо авторитета и догмата, они выдвинули критическое исследование; вместо суеверия и предрассудка — разум; вместо королевской власти «божьей милостью» — свободу; вместо привилегий — равенство и братство. То было поистине время переоценки всех ценностей. Все авторитеты отвергались. Предания, освященные веками, подвергались научному исследованию. Суеверия и предрассудки должны были предстать пред Судилищем Разума. Разум, — один Разум признавался верховным судьей, мериллом всех человеческих дел и помышлений. И сам разум был проводником и истолкователем велений Природы. Человек, вышедший из лона Природы, долго блуждал во мраке, забыв о своем происхождении. Теперь заблудшее дитя должно было вернуться к своему первоисточнику. Любвеобильная мать протягивала объятия блудному сыну.

Просветители XVIII века призывали человечество к изучению природы, к познанию ее законов. На этом знании человечество должно основать прочное здание своего счастья. Мораль, религия, политика—все должно быть пересмотрено при свете Разума. Незыблемые раньше авторитеты — абсолютная монархия, христианская церковь, власть дворянства и духовенства—подвергались жесточайшей критике. Революционная ломка была в разгаре—пока еще в области идей. Она была предтечей мощной освежающей бури конца XVIII столетия — Великой Французской Революции.

Великая Революция, в процессе своего развития, выявила истинную природу Разума, которому служили французские просветители. Он оказался разумом буржуазии, хотя и писал на своем знамени: «Свобода, Равенство и Братство». Эти лозунги не помешали победоносной буржуазии ни гильотинировать Бабёфа, вождя «Заговора равных», ни ввести имущественный ценз, ни воспретить рабочие союзы—уже в своей конституции 1791 года. Первое ограничение, исключавшее массу неимущих граждан из избирательного права, также плохо мирилось с «равенством и братством», как второе—со «свободой». Точно также марциальное право¹⁾, введенное Конституцией, трудно было согласовать с «естественным правом» сопротивления гнету и насилию, которое торжественно провозглашалось во имя Разума и Природы. Мы видим, что Разум и Природа, за которые ратовали французские просветители, не носили «внесловного» и «сверхклассового» характера. Этот разум—был разумом буржуазии, эта природа—была природой третьего сословия. Верховный разум, сослуживший службу буржуазии, оказался весьма немилостив к прочим общественным группам, бившимся бок о бок с нею против старого порядка. Так исторический ход событий вскрыл классовые противоречия, таившиеся в недрах третьего сословия.

II.

Среди французских «просветителей» своей смелой проповедью подготовлявших Великую Революцию, видное место принадлежит Гольбаху. Прежде, чем перейти к уче-

нию этого крупного мыслителя, попытаемся в кратких чертах охарактеризовать его личность.

Барон Поль-Генрих-Дитрих Гольбах родился в 1723 г. в гор. Гейдельсгейме, в Бадене. Немец по происхождению, он с раннего детства воспитывался во Франции и провел в ней большую часть своей жизни. Живой и любознательный ум, Гольбах рано пристрастился к чтению и научным занятиям. Особенно он интересовался естествознанием. С 18-летнего возраста юный Гольбах задается целью познакомиться французскую публику с новейшими открытиями и исследованиями немецких ученых в этой области. Он с жаром принимается за перевод немецких книг по различным отраслям естествознания. Благодаря упорному труду и настойчивости, им было переведено много ценных для того времени сочинений по физике, химии, минералогии, геологии, физиологии и т. д.

При переводе одной книги по геологии, Гольбах впервые наткнулся на противоречие между геологическими данными о древности различных пластов земной коры и библейским преданием о сотворении мира. Это противоречие заставило его призадуматься. Мысль заработала в критическом направлении. Это послужило для него толчком к занятиям философией и критическим исследованиям религиозных догм. Результаты своих исследований Гольбах стал излагать в форме брошюр и книг по различным философским вопросам, сыгравших большую роль в походе, объявленном просветителями XVIII века против суеверий и предрассудков. В этих сочинениях Гольбах приходит логическим путем к отрицанию религии и новому обоснованию морали, совершенно независимо от религиозных систем.

Гольбах был одной из самых популярных и ярких фигур парижского общества середины XVIII столетия. Благодаря унаследованному им значительному состоянию, он мог объединять в своем салоне цвет образованного общества того времени. Его постоянными гостями были: Дидро, Д'Аламбер, Гельвеций, Руссо, Гримм, Бюффон, Монтескье, Тюрго, Кондильяк и многие другие замечательные люди той эпохи. Эта аристократия ума и таланта своей глубоко-содержательной беседой, пересыпанной блестящим остроумием, оживляла обеды и ужины Гольбаха. В наше время трудно представить себе, какую огромную роль

¹⁾ Правила военного положения.

играли политические и литературные салоны во Франции XVIII века. В эпоху абсолютизма, при отсутствии свободной прессы и трибуны, салоны были единственным средством объединения передовых умов. Здесь горячо обсуждались различные философские, религиозные, социальные вопросы; здесь подвергались беспощадной критике устаревшие системы и учреждения; здесь в пылу спора рождалось новое слово. Салоны были очагами, излучавшими освободительные идеи по всей стране; в этих мастерских выковывалось оружие, под ударами которого должны были пасть троны и алтари.—«Там говорились такие вещи»—пишет один из современников в своих «Мемуарах»—«что гром небесный разразился бы над этим домом, если бы подобные речи карались свыше».

Обеды и ужины были лишь предлогом для собраний в доме Гольбаха: сущность была здесь иная. «Эти законченные материалисты были, собственно говоря, чистейшими идеалистами с точки зрения одухотворявших их интересов»—говорит один из историков французской философии XVIII века Damiron, ярый противник материализма. Таким образом, Гольбах сумел найти применение своему богатству. «Он пользовался благородно своим состоянием, собирая у себя философов и литераторов, среди которых занимал почетное место по своим знаниям и уму»,—пишет о нем Руссо в своей «Исповеди». Значительную часть своего состояния Гольбах израсходовал на приобретение прекрасной библиотеки. О размерах этой библиотеки и в то же время об учености ее обладателя можно судить по словам известного энциклопедиста Дидро, который говорил: «Какая бы теория ни родилась в моем уме, я уверен, что друг мой Гольбах всегда найдет в своей библиотеке факты и авторитеты в ее защиту».

Гольбах, вместе с Дидро и Д'Аламбером, был творцом и вдохновителем «Энциклопедии»—капитального труда, в котором полностью отражались идеи французских «просветителей» XVIII века. Обладая массой естественно-научных знаний, он писал для «Энциклопедии», главным образом, статьи по химии, геологии и другим естественным наукам. В то же время он много работал в области гуманитарных наук. За последние 20 лет своей жизни им написан целый ряд книг и статей по различным философским и религиозным вопросам. Главные из них: «Разоблачение

христианства или исследование принципов и выводов христианской религии», «Дух церкви», «Об обманах духовенства», «Естественная история суеверий», «Здравый смысл, основанный на природе, или естественные¹⁾ понятия против сверхъестественных», «Социальная система или естественные принципы морали и политики»—и особенно знаменитая «Система природы», вышедшая в свет в 1770 году, якобы в Лондоне. На заглавном листе книги стояло имя Мирабо, бывшего секретаря Академии, умершего уже десять лет тому назад. Осторожность Гольбаха вполне понятна, если принять во внимание свирепость тогдашней цензуры. На смелых авторов, дерзавших «потрясать основы» монархической власти, официальной церкви и других признанных авторитетов, сыпались такие бичи и ссылки, как «lettres de cachet» (приказы об аресте), заключение в Бастилию и т. д. Но предосторожность Гольбаха не спасла его книги. Своим последовательно проводимым материалистическим направлением, не останавливающимся перед крайними выводами вплоть до отрицания идеи божества, она вызвала бурю негодования в правящих сферах. В этом же году «Система природы», вместе с некоторыми другими сочинениями Гольбаха, была по повелению парламента публично сожжена рукою палача. Сам автор избег строгой кары лишь благодаря тайне, объявившей его имя: даже ближайшие друзья не знали об его авторстве. Он пересылал свои сочинения в Амстердам, где они печатались, а затем тайно перевозились во Францию. После сожжения первого издания, «Система природы» продолжала распространяться в рукописных списках.

Гольбах умер 21 июня 1789 года, через несколько дней после того, как представители третьего сословия объявили себя Национальным Собранием. Он не дождался трех недель до падения Бастилии, которому так много содействовал, революционизируя умы своими книгами.

Личность Гольбаха настолько безупречна, что даже злейшие враги его философии сходятся в ее оценке с самой положительной стороны. В то время как других материалистов XVIII столетия часто упрекают в склонности к чувственным наслаждениям, так, напр., Ламетри—в жестокости, Гельвеция—в любовных похождениях и т. д.

¹⁾ Основанные на познании природы.

о Гольбахе ни один из биографов, яростно нападающих на его сочинения, не решается сказать слова, способного бросить тень на его личность. Сильнейший его идейный противник, Руссо, выводя его в своей «Новой Элоизе», под именем Вольмара, говорит: «Он добродетельнее и бескорыстнее, чем многие верующие, ибо он делает добро, не ожидая награды». В таком же духе высказываются о личности Гольбаха и другие его современники, резко осуждающие его учение.

Известный противник материалистов, Ф. А. Ланге, характеризуя главное сочинение Гольбаха, «Систему природы», говорит об его «прямом и честном языке» и «почти немецком ходе мыслей», — величайшая похвала в устах немецкого ученого.

Влияние Гольбаха не ограничивалось одной Францией. Сохранилось не мало свидетельств о том, что его идеи сыграли видную роль в развитии общественной мысли в России. Так, в книге В. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов» (СПБ, 1909 г.), а также в книге Павлова-Силиванского «Очерки русской истории», — среди авторов, имевших огромное влияние на развитие идей декабристов, упоминается Гольбах. В записной книжке одного из самых образованных декабристов, Пестеля, хранящейся в государственных архивах, встречаются выписки из Гольбаха и других французских философов. В эпоху 60-х годов, так называемые «нигилисты», бывшие, несомненно, выразителями передовой мысли своего времени, также усердно изучали французских и немецких материалистов, в том числе и Гольбаха. Можно провести параллель между знаменитым афоризмом Писарева: «Мы бедны, потому что мы глупы», и словами Гольбаха, которыми начинается предисловие к его «Системе Природы»: «Человек несчастен только потому, что он дурно знает природу». Под «глупостью», как известно, Писарев подразумевал, главным образом, незнание с естественными науками. Такое совпадение вряд ли объясняется простой случайностью.

«Система природы» настолько полно отражает взгляды Гольбаха, что может служить главным источником для изучения этого мыслителя. Все остальные произведения нашего философа относятся к «Системе природе», как части, лишенные самостоятельного значения, — к целому.

Поэтому, минуя длинный ряд сочинений Гольбаха, мы остановимся подробно на «Системе природы».

«Систему природы» справедливо называют «Евангелием материализма»: в этой книге последовательно проведено материалистическое направление. Материалистов вообще и, в частности, Гольбаха нередко обвиняли в разрушительных тенденциях. Это обвинение совершенно справедливо. Материализм Гольбаха действительно подрывал основы современного ему общественного строя во Франции. Чтобы это стало понятно, необходимо уяснить себе сущность материализма Гольбаха.

Но прежде всего, что такое материализм вообще? Нет ни одного философского понятия, которое было бы до такой степени искажено в житейском обиходе и изуродовано так называемым «здравым смыслом». Этот «пошлый разум, ум глупцов», предмет проклятий поэта¹⁾, придал материализму черты своекорыстные, склонность к грубым, низменным наслаждениям. В этом смысле говорит один из героев Мольера о «душе, погрязшей в материализме». Не будем останавливаться на этом вульгарном понимании материализма и перейдем прямо к философскому материализму.

Материализмом называется философское направление, объясняющее все сущее теми или иными свойствами материи. Противоположное направление, стремящееся объяснить все явления различными свойствами духа, называется идеализмом. Согласно определению одного из виднейших представителей материалистического направления в России, Н. Бельтова, «все те философы, в глазах которых первичным фактором является материя, принадлежат к лагерю материалистов; все те же, которые считают таким фактором дух, — идеалисты»²⁾.

Таков принцип материализма вообще и материализма Гольбаха в частности. Внимательное изучение «Системы природы» покажет нам, с какой определенностью и с каким бесстрашием, вплоть до крайних выводов, была проведена им эта основная точка зрения. Гольбах искусно пользуется материализмом, как сружием, чтобы разбить господствующую идеологию, выросшую на почве старого порядка, и расчистить путь перед революционной буржуазией. В его

¹⁾ Некрасов «Песня Еремушки».

²⁾ Н. Бельтов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Спб. 1895. Стр. 2.

книге часто идет речь об «общественном благе», о «счастье человечества». Теперь мы знаем, как расшифровать эти расплывчатые формулы. Подобно другим идеологам буржуазии, наш философ отождествлял интересы своего класса с интересами всего человечества. И в своем заблуждении он был совершенно искренен. Понимание истинного характера совершающегося переворота в общественных отношениях приходит после завершения переворота. «Сова Минервы вылетает только ночью».

„Система Природы“.

ГЛАВА 1-я.

Уже предисловие к «Системе Природы» показывает, что автор одушевлен стремлением к общественному благу. Содействовать, по мере сил, этому благу, рассеять предрассудки, мешающие людям достигнуть истинного счастья—такова цель книги.

«Человек несчастен только потому, что он плохо знает природу»,—так начинается предисловие.—«Его ум так заражен предрассудками, что, казалось бы, он навеки осужден на заблуждения. Ложные понятия, которые прививаются ему с детства, так глубоко проникли в него, что вырвать их с корнем—дело величайшей трудности»¹⁾.

На беду свою, человек постоянно стремился возвыситься над окружающей природой, выделить себя из круга видимых явлений. Не зная действительного мира, он создавал себе воображаемый: он задумывался над своей судьбой в потустороннем мире, не заботясь об устройстве своей жизни в земной юдоли; метафизику он ставил выше физики. «Словом, человек презирал изучение природы и вечно гонялся за призраками, которые, подобно блуждающим огонькам, ослепляли его, наводили на него ужас, и отклоняли его от простой стези истины, вне которой нельзя достигнуть счастья»²⁾.

Пора искать целебных средств против зла, которое причинило нам эти бесплодные мечтания. Эти целебные средства даст нам познание природы. Разум, руководимый опытом, сокрушит вредные предрассудки, от которых страдает человечество. Дело философа поведать миру истину,

¹⁾ Цитируется по первому изданию, большая часть которого была сожжена *„L'ame de la nature“*, par Mirabeau, Londres.

²⁾ Ibidem, стр. 2.

ибо истина едина—многообразно лишь заблуждение. Заблуждение породило тиранию политическую и религиозную: от заблуждения—позорные оковы рабства, в которых томятся почти все народы; от заблуждения—религиозные войны, варварские гонения, человеконенавистничество, дикий фанатизм, бесконечные кровопролития и другие возмутительные трагедии, ареной которых давно стала земля во имя интересов неба. Постараемся же рассеять туман предрассудков и суеверий и внушить человеку мужество и настойчивое стремление к познанию истины. Научим его уважать разум и ценить опыт выше порождений своей фантазии. Покажем ему, как можно основать мораль на требованиях природы и создать свое собственное счастье, работая для счастья себе подобных.

«Итак, цель настоящей книги — привести человека в лоно природы, внушить ему уважение к разуму и любовь к добродетели, рассеять призраки, скрывающие от него единственный путь к счастью»¹⁾), —так заключает Гольбах свое предисловие.

«Система Природы» распадается на две части. Первая содержит общие основы понимания природы, антропологию, этику и политику. Вторая—теологию, поскольку можно назвать так отрицание всякой теологии. Центр тяжести лежит во второй части, которая была главной причиной гонений на книгу. Но необходимой предпосылкой к изучению ее является знакомство с основными положениями первой части, с которой мы и начнем.

ГЛАВА 2-я.

Гольбах был последовательным материалистом. В основе его мирозерцания лежит понятие материи. К познанию материи Гольбах ведет путем изучения природы. В первой же главе первого тома своего сочинения Гольбах ставит вопрос: что такое природа? На этот вопрос он отвечает следующим образом:

«Природа в широком смысле слова есть великое целое, заключающее в себе всевозможные вещества в разнообразнейших соединениях и всевозможные движения,

которые имеют место во вселенной»¹⁾). Человек есть частица природы и не может выйти из ее пределов. Все сверхъестественные существа—не что иное, как продукт его воображения, ибо ничто не может существовать над природой вне рамок великого целого, обнимающего все сущее. Человек—существо физическое. Моральная его сторона—это та же физическая, рассматриваемая с особой точки зрения. Человек, как частица природы, подчинен ее законам. Он не может их преступить, но, как существо разумное, он изучает эти законы, с целью найти наиболее выгодные пути для приспособления к ним и улучшения своего положения. Весь прогресс человечества есть лишь результат взаимодействия между человеком и природой. Изучать природу—это значит изучать материю и движение, ибо в мире нет ничего, кроме этих двух, неразрывно сплетенных элементов.

«Вселенная, т. е. совокупность всего существующего, есть не что иное, как материя и движение. Она представляет собою огромную неразрывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, так как они непосредственно воздействуют на наши органы чувств; другие же нам неизвестны, так как они действуют на нее лишь через посредство явлений, весьма отдаленных от производящих причин»²⁾).

Что такое материя?

Величайшей ошибкой философов, —говорит Гольбах,—был взгляд на материю, как на нечто грубое, пассивное, мертвое. Так, Руссо, по собственному признанию, никогда не мог постичь живой частицы материи. Для Гольбаха материя не мертва, ибо она неразрывно связана с движением. В природе нет покоя: все находится в беспрестанном движении. Всякий покой есть мнимый, кажущийся. Частицы минералов, яко бы мертвые и неподвижные, при известных соединениях могут дать взрыв. Камень, пассивно лежащий на земле, разожжет руку, просунутую между ним и почвой—стало быть его частицы развивают силу тяготения, т. е. движения к центру.

Движение есть стремление частиц вещества изменять свое место по отношению к другим частицам. Движение бывает двоякое: 1) внешнее, массовое движение, посред-

¹⁾ „Système de la nature“, par Mirabeau, Londres.

¹⁾ „Système de la nature“, 1770, стр. 10.

²⁾ Ibidem, стр. 16.

ством которого все тело перемещается целиком.—таково, напр., падение камня, взмах руки; 2) внутреннее, скрытое движение, которое зависит от перемещения частиц, входящих в состав тела, по отношению друг к другу. Движения последнего рода лежат в основе роста животных и растений; ими же объясняются все проявления психической жизни человека—мысль, чувство, воля.

Принято различать движения пассивные от самостоятельных, т. е. таких, причина которых лежит в самом движущемся теле, напр., сознательное действие человека. Но строго говоря, самостоятельных движений не существует, ибо всякое действие определяется внешними причинами. Человеческая воля несвободна. Свобода воли есть фикция.

Каким образом возникла материя, что дало ей толчок к движению?

Такая постановка вопроса по Гольбаху является бессмысленной. «Если понимать природу, как груды мертвого, чисто пассивного материала, лишённого всяких свойств,—то мы, несомненно, будем вынуждены искать движущего начала вне природы. Но, если под природой разуметь то, что она есть в действительности, т. е. огромное целое, состоящее из разнообразных, одаренных различными свойствами частей, между которыми, в силу этих свойств, существуют сложные взаимоотношения—действия и противодействия, притяжения к общему центру и взаимного отталкивания—порождающие, в конечном счете, все известные нам тела, затем разрушающие их и создающие новые, то, в таком случае, нам незачем прибегать к сверхъестественным силам для объяснения всех вещей и явлений»¹⁾.

Итак, материя и движение существовали вечно. Творение из ничего—пустое слово, лишённое всякого смысла в глазах исследователя.

Материя способна не только двигаться: она способна мыслить. К этому заключению Гольбах приходит логическим путем. «Если человек, представляющий собою материю и только материю, обладает способностью мыслить, то, следовательно, материя способна мыслить или, другими словами, материи свойственны известные изменения, которые мы называем мыслью»²⁾.

1) „Système de la nature“, 1770, т. I, стр. 24.
2) Ibidem, стр. 96.

Мы видим, что по Гольбаху частица «грубой материи» способна двигаться, способна мыслить. Для нашего философа не существует живой и мертвой материи. Материя одна. Разнообразны лишь ее формы, ее проявления. Эти формы беспрестанно переходят одна в другую. Между так называемыми «тремя царствами природы»—минеральным, растительным и животным—существует тесная связь. Животные питаются другими животными и растениями. Растения черпают материал для постройки своего тела из воды, воздуха и почвы. «Через некоторое время животные, растения и минералы разрушаются и возвращают в резервуар природы, в общее вместилище, те элементы, которые ими из него взяты. Эти элементы образуют новые соединения, между прочим, и растения, которые, достигнув зрелости, идут в пищу животным; последние, по прошествии известного срока, распадаются в свою очередь и т. д.».

Так, частицы, составлявшие тело животного или растения, в вечном круговороте материи, постоянно меняя свою форму, переходят в другие тела—воду, воздух, живые организмы.

Рисую эту величественную картину круговорота вещества в природе, Гольбах возвышается до уровня современного естествознания, предвосхищает его выводы¹⁾.

Познаваема-ли материя?

Согласно определению Гольбаха, «материя есть то, что действует так или иначе на наши чувства»²⁾. Отсюда ясно, что, если нам неизвестна сущность материи, зато мы безусловно можем познать различные ее свойства, воздействующие на наши органы чувств,—какова протяженность, делимость, сила инерции, способность к движению и т. д. Стало быть, познание материи не представляет абсолютных преград для человеческого разума, т. е. науки.

1) „Système de la Nature“, т. I, стр. 38.

2) Однако, нельзя не признать некоторые взгляды Гольбаха в области естествознания весьма устарелыми. Так, напр., он считает „основным началом“, образующим все тела, огонь („matiere ignée“), верит в самозарождение организмов в гниющих настояях. В этом отношении Гольбах был сыном своего времени. Исследования Пристли о кислороде и Лавуазье — о сущности процесса горения, были опубликованы лишь после выхода в свет „Системы природы“, а блестящие работы Пастера, опровергающие учение о самозарождении в его старом виде и доказывающие, что все организмы в настоящее время происходят от живых зародышей, появились лишь в следующем столетии.

ГЛАВА 3-я.

Одно из основных свойств материи есть стремление сохранять свое состояние, или иначе, стремление к само-сохранению. Это свойство в мире физическом называется косоностью или силой инерции, в мире нравственном—себялюбием. Возьмем пример. Частицы, составляющие камень, воду, воздух, стремятся сохранить свое состояние кажущегося покоя или движения—физики называют это стремление силой инерции. Частицы, составляющие тело человека, стремятся сохранить свое состояние. Это явление называется инстинктом самосохранения или себялюбием. Другой пример. Частицы, составляющие твердые тела, стремятся друг к другу в силу притяжения. Люди, составляющие семью, общество, государство, стремятся друг к другу в силу взаимной любви, симпатии. Противоположное явление физики называют отталкиванием, а моралисты—ненавистью. Таким образом, одни и те же явления в мире физическом называются инерцией, притяжением, отталкиванием, а в мире нравственном—себялюбием, любовью, ненавистью¹⁾.

Все явления природы подчиняются определенным законам. Беспорядка во вселенной не существует. Это одинаково относится как к миру физическому, так и к миру социальных отношений. «В ужасных потрясениях, которые охватывают иногда политические общества и нередко ведут к крушению государств, нет ни одного действия, ни одного слова, ни одной мысли, ни одного движения воли, ни одной страсти в действующих лицах, участвующих в революциях, как в роли разрушителей, так и в роли жертвы—которые не были бы необходимы, которые не действовали бы именно так, как они должны действовать²⁾». Следовательно,—революция не есть беспорядок, это закономерное явление, равнодействующая различных сил, действующих по известным законам. Слабому человеческому разуму представляются беспорядком стихийные бедствия: землетрясения, наводнения, эпидемии.

¹⁾ Эта аналогия наиболее характерна для материализма XVIII в., стремящегося отождествлять законы природы с законами общества.

²⁾ „Système de la nature“, т. 1, стр. 51.

засухи и т. д. Но это беспорядок—лишь с нашей ограниченной точки зрения, ставящей человека в центре вселенной. С точки зрения великого целого, это—порядок. Ибо эти явления не нарушают целостности природы, не колеблют присущих ей вечных и неизменных законов. «Порядок по отношению к вселенной есть цепь причин и следствий, необходимых для поддержания ее извечно деятельного существования, для сохранения ее в целом¹⁾». Человек называет порядком все то, что способствует сохранению его настоящей формы бытия и беспорядком—все то, что угрожает его самосохранению. Для человека величайший беспорядок—его смерть. Но этот мнимый беспорядок—лишь переход к новому порядку. Его смерть—не более как перемена формы, так как частицы его тела снова поступают в общий круговорот природы. Стало быть, эта смерть—в порядке вещей.

Итак, порядок и беспорядок—ложные понятия, созданные человеческим умом. В природе порядка и беспорядка нет. Отсюда логически вытекает отрицание чудес и случая.

Чудом мы называем такие явления, которые еще не достаточно исследованы, которым наука пока еще не успела дать объяснения. Область чуда сокращается по мере развития науки. Гром и молния представляются чудом темному уму дикаря. Но мы знаем, что тут никакого чуда нет, что эти явления объясняются законами природы. Мы приписываем случаю все явления, причинная связь которых от нас ускользает. Но слеп не случай, слеп человеческий ум, который не сумел раскрыть причинной зависимости данного явления от ряда других. Когда же ему удастся проникнуть в цепь причин и следствий, то пораженный строгой закономерностью, господствующей в мире, он приписывает ее какому-то Высшему Разуму, регулирующему бытие вселенной. Называя разумным в своей узкой сфере наблюдения то, что соответствует определенной цели, он забывает, что целое не может иметь цели, ибо вне этого целого не существует ничего, к чему оно могло бы стремиться. Измышляя высшее разумное существо, управляющее миром, он создает его по своему образу и подобию, он наделяет его своими органами, ибо, несомненно, без органов невозможна ни мысль, ни воля, ни действие.

¹⁾ „Système de la nature“, m. 1, стр. 56.

Так развенчивает Гольбах иллюзии, порожденные слабостью и невежеством, так неизбежно, шаг за шагом, ведет он к признанию закономерности всех явлений. В этом величайшая его заслуга перед положительным знанием, перед наукой, для которой принцип закономерности является единственной прочной основой, единственным фундаментом, на котором она строит свое грандиозное, величественное здание.

ГЛАВА 4-я.

Человек — частица природы, и как таковая, подчинен общим ее законам. Как и всякая другая частица природы, он представляет собою материю и движение. Вся жизнь его — длинная цепь движений, необходимых и связанных между собой. Движения эти вызываются либо воздействующими на него внешними причинами, как, например, воздух, питательный материал и проч., либо внутренними причинами. Каковы его кровь, нервы, сосуды, мышцы, кости — словом, различные твердые и жидкие вещества, входящие в состав его тела. Подобно другим телам природы, человеческое тело подчинено закону самосохранения, законам притяжения и отталкивания, действующим между частицами. Нет ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного движения воли, которые не обуславливались бы этими великими законами, регулирующими жизнь вселенной. Самопроизвольных действий не существует. Какими бы таинственными и скрытыми ни казались подчас пружины наших действий, их надо искать в физической природе человека. Трудность объяснения здесь зависит исключительно от сложности его организации. В самом деле, разве его стремления и поступки не зависят от состава крови, состояния нервов, упругости или дряблости стенок сосудов? И разве состояние этих органов не зависит, в свою очередь, от давления воздуха, качества и количества пищи, и других условий внешней среды?

Таким образом, внешние и внутренние причины действий человека тесно связаны между собой. Но человек видит лишь первые и не отдает себе отчета в последних. Благодаря незнакомству с организацией собственного тела, от него ускользают внутренние причины действий. И вот

он призывает на помощь какое-то особое движущее начало, якобы отличное от его тела, которое является первопричиной всех его чувств, желаний и поступков. Это начало он называет душой или духом. Без этой таинственной силы его стремление к действию кажется ему непостижимым. Но рассуждая так, человек забывает, что, в сущности, причина, вызывающая падение камня, не более и не менее нам понятна, нежели причина того или иного движения мысли или воли.

Итак, человеку приписывается двойственная природа: физическая и духовная. Из этой основной ошибки вытекает ряд других. Одна несообразность влечет за собою другую. Так как душа — существо особое, не имеющее ничего общего с телом, то и свойства ее коренным образом отличаются от телесных. Тело смертно и подлежит разрушению. Душа же бессмертна и нетленна. Ложное представление нематериальности ведет к догмату бессмертия. Далее, по образцу души, управляющей телом, человек измышляет «Мировой Дух», «Высший Разум, управляющий Вселенной». А затем он ссылается на тот же «Мировой Дух», чтобы объяснить связь души с телом. И, рассуждая так, он совершенно не замечает, что вертится в заколдованном кругу.

Соотношение души и тела всегда представляло непреодолимую преграду для философов, признающих духовное начало. В самом деле, каким образом душа, существо невесомое и нематериальное, может воздействовать на наши чувства, т. е. на органы весомые и материальные? Мы знаем, что человеческий зародыш вначале представляет собою едва заметную частицу, лишенную всякого проблеска мысли или чувства; что поглощая питательный материал и развиваясь в материнской утробе, он мало-помалу приобретает эти способности, и что появление их связано с определенным физиологическим процессом — развитием у зародыша нервной системы и центрального ее органа, мозга. Так вот в чем дело, а вовсе не в какой-то бесплотной и невесомой субстанции! Мы видим, что «душа» — пустое слово, лишенное смысла. Но подобные слова, измышляемые для прикрытия нашего невежества, мало-помалу приобретают реальность в глазах человека. Последний оказывается в плену у своего собственного вымысла. Один абсурд влечет за собою другой. Он все

больше и больше углубляется в лабиринт призрачного мира, созданного его воображением. Руководящую нить для выхода из этого лабиринта нам может дать опыт— и только опыт.

Что же говорит нам опыт? Опыт говорит нам, что душу никак нельзя отделять от тела. «Душа есть не что иное, как то же самое тело, изучаемое не всесторонне, а лишь по отношению к некоторым особым функциям, свойственным ему в продолжение его жизни. Другими словами, душа есть человек, рассматриваемый с точки зрения присущей ему способности мыслить, чувствовать и действовать»¹⁾. Душа подлечит тем же изменениям, что и тело; она рождается и развивается вместе с ним, совместно с телом она проходит периоды детства, юности, зрелости и одряхления. Она здорова, пока здорово тело. Она в болезненном состоянии, когда тело поражено болезнью. Подобно телу и совместно с ним, она испытывает влияние климата, времени года, способа питания, давления воздуха и т. д. и изменяется с изменением этих физических условий. Воздействовать на дух человека можно лишь через посредство его тела. «Здоровый дух—в здоровом теле»,—эта истина, высказанная еще мудрецами древности, остается непреложной.

Каково происхождение человека? Вечно-ли существовал род человеческий? Был-ли когда-то первый человек, от которого произошли все остальные? Остается ли наш род неизменным или же он проходит серию последовательных изменений? Изменяются ли виды животных и растений? Подлежат ли они смерти, подобно индивидам? Вот ряд вопросов, на которые мы не можем дать ответа, за недостатком фактических данных. Опыт не дает нам материала для их разрешения. Поэтому мы вольны принять ту или другую гипотезу: либо род человеческий существовал вечно, либо он появился в определенный момент, либо виды изменяются, либо остаются неизменными и т. д. Однако, принимая во внимание, что существование человека связано с известными условиями жизни на земле, что земной шар в настоящем своем виде существовал не вечно, а переходил из одного состояния в другое,—надо полагать, что человек появился на земле в определенный момент

ее развития. Точно также относительно видов, вполне вероятно, что они беспрестанно изменяются. Но говорить о том, что такое они представляли собой в прошлом и какова их дальнейшая судьба—это значит пускаться в область догадок.

«Итак, на вопрос, что такое человек—мы ответили: человек есть существо материальное, организованное таким образом, что он способен мыслить и чувствовать. Если нас спросят, далее, откуда явился человек, мы ответим: человек есть частица природы, которая некоторыми своими сторонами подобна другим ее частям и подчиняется тем же законам, а другими сторонами от них отличается, и опять-таки подчинена определенным законам, несколько иным, в силу особенностей его организации. И, наконец, на вопрос, каково происхождение человеческого рода, мы ответим, что опыт пока не дает нам материала для решения этого вопроса»¹⁾.

Показав, что душа есть не что иное, как тело, Гольбах переходит к анализу душевных способностей. Все богатство душевных переживаний, составляющих внутренний мир человека, он выводит из одного простейшего элемента—ощущения.

Основная способность человека—чувствительность. Чувствовать—значит воспринимать изменения окружающей среды через посредство органов внешних чувств, передающих их по нервным волокнам в мозг. Мозг—внутренний орган чувствительности, подобно тому, как глаз, ухо и т. д. являются ее внешними органами. При перерыве сообщения органов внешних чувств с мозгом, прекращается и чувствительность. В организации мозга мы должны искать ключ к разгадке различия между человеком и животным, между разумным человеком и помешанным. При вскрытии трупов идиотов, их мозг оказывался меньше мозга нормального человека. Из всех животных мозг обезьян наиболее приближается по размерам к мозгу нормального человека. Поэтому, обезьяна—самое разумное из всех животных, после человека.

Одни философы считают чувствительность универсальным свойством материи. Другие полагают, что мертвая материя, при известных условиях, способна приобретать

¹⁾ Système de la Nature, т. I, стр. 99.

чувствительность. В том и другом случае чувствительность тесно связана с материей и отнюдь не является чем-то вне ее лежащим.

Изменения внешней среды, действующие на наши органы чувств, называются ощущениями. Если они рассматриваются сами по себе, восприятиями — если они передаются внутреннему органу, мозгу, и, наконец, идеями, если мозг относит эти изменения к определенному предмету или явлению внешней среды, как к исходному пункту.

Внешние органы чувств — единственный путь, через посредство которого возникают наши ощущения, восприятия и идеи. Отсюда ясно, что врожденных идей не существует. Источником всех наших идей является опыт, т. е. взаимодействие между органами и внешней средой.

Ощущения, восприятия и идеи, рожденные опытом, в свою очередь порождают более сложные состояния нашего мозга, которые мы называем различными душевными способностями: памятью, воображением, рассудком, волею и т. д. Так, напр., память есть способность мозга воспроизводить уже раз полученные изменения. Воображение — есть способность мозга производить или комбинировать новые восприятия из массы полученных ранее. Рассудок есть способность мозга сравнивать восприятия или идеи, получаемые в данный момент, или воспроизводимые памятью и т. д. Таким образом, в основе разнообразнейших душевных способностей лежит ощущение, возникшее из опыта.

Если нам возразят, что механизм, посредством которого из простейшего ощущения возникает все богатство нашей психики, весьма загадочен, то мы ответим, что не менее загадочно и всякое другое общеизвестное явление. Сущность тяготения, в силу которого падает с дерева яблоко, нам точно так же непонятна, как и сущность сложнейших душевных переживаний. Поэтому удовольствуемся констатированием факта, что душа изменяется в зависимости от воздействующих на нее материальных факторов. А отсюда мы можем сделать только один вывод — что душа есть нечто материальное.

Человек — животное общественное. Его недостаточно изучать самого по себе, а необходимо рассматривать также по отношению к ему подобным, т. е. к обществу.

Человек рождается чувствительным. Из тех ощущений, которые он получает от окружающей среды, одни доставляют ему наслаждения, другие — страдания. К первым он стремится, последних избегает. Первые он называет добром, последние — злом. Но человек живет в обществе. Окружающие его стремятся к тем же целям. В своем ближнем они называют добродетелью то, что им полезно, пороком — то, что им вредно. Таким образом, счастье отдельного человека нельзя рассматривать независимо от общественного блага. «Добродетель есть то, что постоянно и неизменно полезно людям, как членам общества; порок есть все то, что им вредно. Величайшие добродетели — те, которые доставляют им наиболее прочные и продолжительные выгоды; величайшие пороки — те, которые больше всего нарушают стремление людей к счастью и порядку, необходимому в обществе. Мы называем добродетельным такого человека, действия которого постоянно направлены к благу ему подобных. Наоборот, пороком надо считать такого человека, действия которого влекут за собой несчастье его ближних, которое неизбежно приводит к его собственному несчастью. Все то, что нам доставляет прочное, истинное счастье — разумно. Все то, что нарушает наше собственное счастье или счастье наших ближних, с которыми мы тесно связаны — бессмысленно и неразумно»¹⁾.

Какими средствами человек может достигнуть своей цели, т. е. счастья? Эти средства указаны ему разумом и опытом. Они обуславливаются взаимоотношениями членов общества, которые все одинаково стремятся к счастью и самосохранению. Мы называем эти средства обществен-

¹⁾ „Système de la Nature“, т. I, стр. 134. В другом сочинении Гольбаха та мысль выражена следующим образом: „Делать добро, содействовать счастью ближнего, оказывать ему помощь — вот что добродетельно. Добродетелью можно назвать только то, что способствует пользе, счастью и безопасности общества. Всякая из общественных добродетелей есть гуманность“. „La politique naturelle“ discours sur les vrais principes du gouvernement“ („Естественная политика или учение об истинных принципах правительства“).

ными обязанностями. Они обязывают нас в том смысле, что представляют собою единственный путь для достижения намеченной цели. Пренебрегая общественными обязанностями, мы не можем достигнуть счастья. Нравственное обязательство вытекает из необходимости действовать так, чтобы сделать счастливыми наших близких, имея в виду побуждать их, в свою очередь, содействовать нашему собственному счастью. Обязательства по отношению к ближнему диктуются необходимостью поступать в интересах нашего собственного счастья и самосохранения. Мораль, как и вселенная, основана на необходимости.

«Разумно только прочное, истинное счастье». Отсюда ясно, что не всякое счастье разумно. Гольбах не отождествляет счастья с чувственным наслаждением. Человек стремится продлить состояние блаженства. Но чем сильнее, чем острее наслаждение, тем оно кратковременнее, ибо наши органы чувств способны воспринимать лишь определенное количество ощущений. Всякое наслаждение, которое превышает это количество и предъявляет к нашим чувствам новые требования, переходит в страдание, т. е. неприятное состояние, которого мы стремимся избежать. Наслаждение и страдание чрезвычайно близко соприкасаются. Поэтому неумеренное наслаждение часто ведет к пресыщению, усталости и отвращению. Наслаждение превращается в свою противоположность: мимолетное наслаждение претворяется в продолжительное страдание. Вот почему человек, как существо разумное, должен избегать неумеренных наслаждений, стремясь лишь к прочному, продолжительному счастью.

Прочное счастье отдельного лица согласуется с прочным счастьем его окружающих. В самом деле, опыт показывает человеку, что он не в состоянии добиться всего необходимого для его счастья собственными слабыми силами, без помощи ближних. Он понимает, что эти ближние будут содействовать его счастью, если сами будут в этом заинтересованы. Поэтому, он старается заслужить их одобрение и симпатию, работая для их счастья, другими словами — для общественного блага. За это его называют добродетельным. Стало быть, его добродетель не бескорыстна. Но бескорыстных людей не существует. Единственный мотив человеческих действий есть интерес, стремление к удовольствию. Все дело только в том, что каждый

— 21 —
понимает этот интерес на свой лад. Одному доставляет удовольствие копить имущество, другому — раздавать свое имущество, помогать ближнему в его несчастье. Последнего мы называем бескорыстным. Но это совершенно неправильно. Он так же стремится к своему интересу, своему удовольствию — но ему приятнее помочь ближнему, чем спрятать свое золото в сундук. Называя его бескорыстным, а поступок его нравственным, мы лишь показываем, что одобряем движущий им интерес. А общество одобряет те интересы отдельных лиц, которые выгодны ему, обществу. Следовательно, нравственность или мораль есть не что иное, как правильно понятый личный интерес, который совпадает с общественным. Таким образом, в основе морали лежат не врожденные идеи, не сверхъестественные начала — божество, бессмертие души и т. п., а естественные явления — неотъемлемые свойства человеческой природы.

ГЛАВА 6-я.

Политика есть искусство регулировать человеческие страсти и направлять их на служение обществу. Однако, политика в действительности не удовлетворяет своему назначению. Политика данной страны находится в руках ее правительства. Каково происхождение правительства?

«Люди, сближаясь с целью образовать общество, заключают между собою договор, в силу которого обязываются поддерживать друг друга и оказывать взаимные услуги. Но, так как человек по своей природе стремится к удовлетворению своих потребностей и страстей, совершенно не считаясь с потребностями ближнего, то является надобность в силе, которая заставила бы его обуздать свои страсти и исполнять обязанности по отношению к ближним. Эта сила есть закон — выражение воли всего общества. Общество по своей многочисленности не в состоянии собраться целиком, когда того требуют обстоятельства. Поэтому оно выбирает лиц, облеченных доверием, которым передает свою власть. Эти лица и составляют правительство. Будут ли они называться монархами или народными представителями — им принадлежит власть в стране. Из происхождения правительства ясно, что общество, если того требуют его интересы, может

отнимать свои полномочия, изменять форму правления, расширять или ограничивать власть, вверенную им главам правительства, над которым оно всегда сохраняет верховенство согласно неизменному естественному закону, по которому часть подчинена целому»¹⁾.

— Монархи—вовсе не владыки, собственники общества. Они обязались служить обществу; последнее только на этом основании согласилось им повиноваться. Ни одно общество в мире никогда не давало своему правительству права вредить ему; оно, подобно индивиду, стремится к самосохранению и отнюдь не может согласиться на то, что составляет источник его бедствий. Раз правительство угнетает его, вредит ему, то тем самым оно нарушает договор и должно быть лишено власти.

Целью закона должно быть общественное благо. Справедливый закон должен обеспечивать большинству граждан известные права, для которых они соединились в общество. Эти основные права, вытекающие из человеческой природы,—свобода, собственность и безопасность²⁾. «Общество, в котором правительство и законы не дают никаких благ его членам, очевидно, теряет над ним всякую власть. Правители, которые вредят обществу, теряют право им повелевать. Понятие отечества связано с понятием благосостояния. Угнетенное общество состоит из угнетателей и рабов. Но рабы не могут быть гражданами. Гражданин должен любить отечество, а любовь к отечеству внушают блага, которые оно дает гражданам—свобода, собственность и безопасность»³⁾.

Дурное правительство, не заботясь об общественном благе, о просвещении граждан, справедливых законах, способствует росту преступности в недрах общества. Человек от природы ни добр, ни зол. На добро или зло его толкают могущественные интересы. Он добр, когда находит свой интерес в добре. Злых и преступных много потому, что до сих пор не было ни одного правительства, которое позаботилось бы о том, чтобы люди находили интерес в добре. В обществе, где порок возна-

граждается и окружается почетом, а добродетель страдает и гибнет, должен процветать порок. «Если бы политика правительства была просвещенной; если бы оно серьезно заботилось о благе народа, если бы законы были справедливыми, если бы общество заботилось о своих членах, оказывало бы им поддержку в случае нужды,—то ему не пришлось бы карать их, лишая их жизни в наказание за преступление, в котором виноваты дурные учреждения»¹⁾. Итак, не природа делает людей злыми, а общественные учреждения²⁾. Чтобы исправить людей, надо изменить к лучшему общественный строй.

В вопросе о борьбе с преступностью необходимо руководствоваться теми же основными принципами материализма, что и во всех других областях. Человек преступен вовсе не в силу велений какого-то рока, или другой сверхъестественной силы. Преступная душа, как всякая другая душа, неотделима от тела. Поэтому корень зла надо искать в физических условиях существования тела, и, желая действовать на душу, необходимо прежде всего воздействовать на это тело. «Если бы мы считались с опытом, а не с предрассудками, то медицина дала бы морали ключ к разгадке человеческого сердца, и можно было бы не сомневаться, что путем ухода за телом нередко излечивалась бы и душа. Догмат о материальности души сделал из морали науку догадок, не дающую нам понятия об истинных средствах, которыми можно действовать на человека. Если бы мы опирались на опыт, знали элементы, которые образуют основы темперамента человека или большинства индивидуумов народа, то мы знали бы, что соответствует их природе, какие законы им необходимы, какие учреждения им полезны. Словом, мораль и политика могли бы извлечь из материализма пользу, которой им никогда не может дать догмат нематериальности души, и о которой он мешает нам даже думать»³⁾.

* * *

Обозревая изложенный нами первый том «Системы природы», мы поражаемся цельностью и последователь-

¹⁾ *Système de la Nature*, т. I, стр. 143.

²⁾ Мы видим, что „человеческая природа“ у Гольбаха требовала прав, соответствующих интересам буржуазии. „Естественное право“ на собственность не мешало Гольбаху и другим идеологам буржуазии при случае резко нападать на феодальную собственность.

³⁾ *Système de la Nature*, т. I, стр. 143.

¹⁾ *Système de la Nature*, т. I, стр. 291.

²⁾ В другом месте Гольбах выражает эту мысль в более резкой форме: „В развращенном обществе надо развратиться, чтобы быть счастливым“. *Ibid.*, т. II стр. 237.

³⁾ *Système de la Nature*, т. I, стр. 123.

ностью мирозерцания Гольбаха. Философия природы, антропология, этика, политика — все это звенья одного стройного Целого, краеугольным камнем которого является понятие материи. Для Гольбаха не существует великого и малого, закономерного и случайного. Все явления природы связаны одной неразрывной цепью. В капле воды отражается вселенная, со всем величием своих неизменных законов. Не даром эпиграфом к своему труду наш мыслитель избрал следующие слова одного из величайших ученых древней Греции: «Величие и мощь природы всегда ускользают от внимания в тех случаях, когда созерцают только ее части, а не всю ее в целом»¹⁾.

В заключительной главе первого тома Гольбах говорит: «Пусть нас не обвиняют в том, что мы разрушаем, ничего не созидая». Достаточно прочесть первый том «Системы природы», чтобы убедиться в справедливости этих слов. Гольбах не только разрушает, но и созидает. Материализм служит в его руках не только тараном, посредством которого он разбивает идеалистические верования, отжившие догмы и предрассудки, но и могущественным орудием, при помощи которого он строит новую этику, новую антропологию и социологию. Мы познакомились с положительной частью его учения, изложенной в первом томе «Системы природы». Критическая сторона философии Гольбаха с замечательной ясностью и бесстрашием мысли формулирована во втором томе того же сочинения.

ГЛАВА 7-я.

Каково происхождение идеи божества? Такой вопрос ставит нам автор в 1-ой главе 2-го тома «Системы Природы».

Чтобы понять происхождение этой идеи, надо мысленно перенестись в эпоху седой древности, когда первобытный человек, слабый и невежественный, был игрушкой в руках стихии. Беспомощность его перед стихийными бедствиями — наводнениями, землетрясениями, неурожаями, эпидемиями, — перед грозными катаклизмами, не раз изменявшими лицо

земли, порождали в нем страх; а страх побуждал его искать причины этих зол в образе каких то существ, наделенных исключительной силой и могуществом. Темный ум первобытного человека, бессильный найти объяснение своих бедствий в неведомых ему законах природы, не видя этого объяснения в окружающих его явлениях, в смутной тревоге обращается к небу. Таким образом, невежество и слабость делает человека суеверным. Идея божества родилась в грозе и буре, среди наводнений, землетрясений, вулканических извержений и других бедствий и потрясений, обрушившихся на род человеческий. Один философ сказал, что последствия всемирного потопа были не менее губельны для мира морального, чем для мира физического, и что частицы человеческого мозга до сих пор сохранили отпечаток потрясения, полученного им в то время. Это неправильно с точки зрения науки, ибо всемирного потопа, о котором говорится в священных книгах евреев и христиан, на самом деле не было. Поводом к этой легенде послужили, по всей вероятности, грандиозные наводнения, которые в разные эпохи происходили в различных пунктах земного шара¹⁾. Но это правильно в известном смысле, «ибо если бы в мире не было зла, человек никогда не подумал бы о боге».

Идея божества развивалась постепенно. «Сперва человек обоготворял грубые материальные предметы — камни, деревья, животных. Затем он стал считать их орудиями каких-то таинственных сил, скрытых за ними. Он начал преклоняться перед могущественными гениями, героями и полубогами. Наконец, размышляя все больше и больше, он решил упростить дело, подчинив всю природу одной единственной силе, всемирному духу, дающему толчок всей природе. Восходя от причины к причине, обращаясь все выше и выше, взор человека, в конце концов, так затуманился, что решительно ничего больше не различал. В этом-то тумане человек и поместил свое божество»²⁾.

¹⁾ „Naturae rerum vis atque majestas in omnibus momentis fide caret, si quis modo partes ejus, ac non totam complectatur animo“. (Plin. Hist. nat.).
²⁾ Système de la Nature, т. I, стр. 363.

¹⁾ В примечании к стр. 10-й тома 2-го «Системы Природы» Гольбах говорит: «Это предположение прежде всего подтверждается однообразием легенды о потопах, существующей у всех народов, и особенно остатками морских животных, растений и минералов, которые попадают повсеместно в глубоких слоях земли». Это примечание лишний раз показывает нам, что наш философ стоял на высоте современной ему науки.

²⁾ Стр. 16-я, т. II «Системы Природы». Цитируется по лондонскому изданию 1770 года.

Однако, понятие божества, вымышленное с целью что-то объяснить, в действительности ничего не объясняет. «Если мы захотим отдать себе отчет в том, что такое идея божества, мы придем к заключению, что словом «бог» люди всегда обозначали наиболее скрытую, отдаленную от них причину, наиболее непонятное им проявление. Они пускают в ход это слово, как только перестают видеть естественные причины занимающих их явлений. Едва лишь они теряют нить, перестают улавливать естественную связь явлений, — они разрешают вопрос, называя богом последнюю причину, т. е. находящуюся за пределами всех известных им факторов. Так обозначают они неопределенным словом какое-то неведомое им начало, проникнуть в которое мешает им лень или недостаток знаний. Каждый раз, когда нам говорят, что такое-то явление исходит от бога, это значит, что мы не в состоянии объяснить это явление при помощи известных нам сил природы. Таким образом, невежественные люди ссылаются на бога для объяснения не только каких либо необыкновенных, редких явлений, но даже самых простых вещей, которые легко объяснит более образованный человек... Вот почему часто приписывают божественное происхождение различным снам, видениям, истерическим явлениям и т. п.»¹⁾

Разрушительные и враждебные ему силы человек видит не только в окружающей его природе, но и в самом себе: свои страсти, страдания, болезни и самую смерть — он приписывает той же таинственной силе, распоряжающейся им по своему произволу. Как же он представляет себе эту силу? Он приписывает ей свои собственные качества, он создает бога по образу и подобию своему.

— «Мы судим о незнакомых вещах лишь по известным нам предметам. Человек приписывает действующей на него неизвестной причине свои собственные свойства — волю, ум, намерения, страсти. Если эта причина действует на него благоприятным образом, он называет ее доброй и благонамеренной. Когда же он, наоборот, испытывает неприятные ощущения, он относит их на счет какой-то злонамеренной силы. Видя, что какие-то причины производят на него постоянно одинаковые воздействия, он приписывает им известный план, систему, определенную линию поведения. Исходя

¹⁾ Стр. 17-я, т. II (Все дальнейшие цитаты взяты также из II-го тома доп. изд. 1770 г. «Системы Природы»).

из своей собственной линии поведения по отношению к другим, он любит то «Нечто», что на него воздействует, или боится его; он приближается к нему с доверием или со страхом; он стремится к нему или, наоборот, старается от него ускользнуть. Потом он вступает в переговоры с этим «Нечто», обращается к нему с просьбами, умоляя оказать помощь или прекратить свою немилость. Он старается повлиять на свое божество покорностью, низкой лестью и дарами, к которым он сам так чувствителен. Наконец, он оказывает ему гостеприимство, отводит ему приют, специальные помещения, которые украшает предметами чрезвычайно приятными, по его мнению, для божества, так как он сам придает этим вещам большую ценность»¹⁾.

Таково происхождение религии и культа. Храмы, алтари, жертвоприношения, религиозные догмы, особая корпорация священнослужителей, все это — колоссальное здание, построенное на песке. Ибо в основе всякого культа лежит вымысел, порожденный невежеством. Но всякая ошибка, если от нее не отказываются в самом начале, развивается и углубляется. Первоначальная ошибка, силою логики вещей, ведет к Геркулесовым столбам нелепости.

— «Первобытное общество, видя свою зависимость от природы, испытывая различные стихийные бедствия, склонно приписывать явления природы, или скрытым за ними таинственным силам, известные планы, намерения, желания, потребности, подобные человеческим. Отсюда жертвы, придуманные для утоления их голода, возлияния — для утоления их жажды, воскуривания фимиама и ладана — для услаждения их обоняния. Люди полагают, что разгневанные стихии или их двигателей можно умиротворить, как рассерженного человека, униженными мольбами, лестью, подарками. Они изощряют свое воображение, пытаются угадать, какие именно дары и жертвы приятнее всего этим немым существам, которые не желают открыто заявить о своих вкусах. Вначале им предлагали плоды, земные злаки; затем решили умиловить их мясом — стали вести им на закланье ягнят, волов, кобылиц. Видя, что гнев их против человека не иссякает, им стали приносить в жертву детей, женщин и мужчин. Наконец, воображение разыгралось до того, что никакие земные жертвы не считаются

¹⁾ Стр. 12, т. II.

достаточными для умиротворения верховной силы, управляющей Вселенной: ее можно умилостивить лишь одним способом—принося ей в жертву бога. Бесконечно великое существо может примириться с человечеством только через бесконечно великую жертву»¹⁾).

Не останавливаясь ни перед какими жертвами для своего божества, люди, в свою очередь, предъявляют ему бесконечные требования. Они ежеминутно хотят от него чудес. Наделяя его сверхъестественной силой, они беспрестанно требуют от него изменения законов природы для прихотей отдельных личностей. Обращаясь к нему с мольбами, они не замечают, что их желанья очень часто противоречат друг другу. Житель низменной, обильно орошаемой долины, жалуется на постоянные дожди, от которых страдает его поле. В то же самое время обитатель возвышенной местности благодарит бога за милость, и молит о дальнейшем ниспослании дождя, который приводит в отчаяние его соседа. Словом, каждый воображает себе, что бог, снисходя к его просьбам, может нарушить равновесие Вселенной.

|| Но прогресс науки убивает суеверие. «Если незнание с природой породило идею божества, то знание законов природы ее убьет. По мере того, как человек приобретает знания, он черпает в них силу. Науки, прикладные искусства, промышленность, доставляют ему средства и орудия в борьбе за существование. Опыт обогащает его и научает его бороться со стихийными явлениями, которые перестают наводить на него ужас. Словом, все страхи и ужасы рассеиваются, по мере того, как просвещается его ум. Просвещенному уму совершенно чуждо суеверие»²⁾).

ГЛАВА 8-я.

Мы видели происхождение идеи божества. Вдумываясь глубже в эту идею, мы поражаемся массой таящихся в ней противоречий. Прежде всего, как объяснить мировое зло, с точки зрения теологов? Последние уверяют нас, что бог всеблаг и всемогущ. Как же может это всеблагое и всемогущее существо допускать бесчисленные страдания,

насилия, несправедливости, превращающие нашу землю в долину слез? Чтобы выйти из этого противоречия, теологи вынуждены признать, наряду с богом, существование каких-то злых, темных сил. Эти злые силы—демоны, падшие ангелы, возмущившиеся против бога. Как взбунтовавшиеся рабы, они строят козни против своего владыки и сеют зло в сердцах смертных, толкая их на преступления, наслушание против заветов бога. Это бесовское воинство своими происками обрекает слушников на вечную гибель, ибо им уготована небесная кара за их дела.

Но отчего страдают кроткие и невинные? Отчего терпят они жестокою несправедливостью?

«Отчего под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?»¹⁾

Оттого, что своими страданиями он искупает первородный грех—преступление против бога прародителей Адама и Евы.

«Теологи предполагают, что человек некогда согрешил, что он развратился—и за грехи предков должен понести кару весь род человеческий: неумолимый властелин мира жестоко мстит ни в чем неповинному потомству за вину прародителей. Люди находят подобную месть весьма естественной, ибо, по их мнению, наказание должно соответствовать не столько степени или серьезности оскорбления, сколько рангу и званию потерпевшего. Исходя из этого позорного предрассудка, они нисколько не сомневаются в том, что бог имеет право безмерно и беспредельно мстить за оскорбление божественного величества. Словом, теологи всячески изошряются, чтобы доказать, что в мировом зле виноваты сами люди, и снять вину с божества. Они придумывают всевозможные басни, чтобы объяснить возникновение зла; и небесная кара за это зло является вполне законной, ибо преступление против бесконечно Великого Существа должно быть караемо бесконечно»²⁾).

Но каким образом действия существа, созданного из грубой материи, могут оскорбить бесплотную Высшую силу, его создавшую? «Каким образом слабое создание, получившее от бога свою организацию, способ мышления и темперамент, из которого вытекают его страсти, как может

¹⁾ Стр. 14, т. II.

²⁾ Стр. 26, т. II.

¹⁾ Из Гейне.

²⁾ Стр. 49.

оно действовать против воли всемогущей силы, запрещающей всякий грех и беспорядок?»¹⁾

Наказание за грехи праотцев также лишено основания, как те кары, которыми религия угрожает грешникам в будущей жизни за их собственные грехи. Ибо они не виноваты в том, что употребили во зло свободу воли, данную им свыше. «Разве мы назовем разумным, добрым, справедливым и милостивым отца, который, зная резвость и неосторожность своего ребенка, дает ему в руки острый нож, а потом сам же всю жизнь наказывает его за то, что ребенок себя поранил?»²⁾

Итак, бог несправедлив. Его поведение противоречит высшей справедливости, которую приписывают ему теологи. Однако, это не единственное противоречие, скрытое в идее божества.

«Если бог бесконечно добр, то зачем нам его бояться? Если он бесконечно мудр, то к чему тревожиться за свою участь? Если он всеведущ, то зачем нам обращаться к нему со своими нуждами и беспокоить его своими молитвами? Если он вездесущ, то к чему воздвигать ему храмы? Если он—Владыка над всем, то что за смысл приносить ему жертвы? Если он справедлив, то как же он может наказывать свои создания за те слабости, которые сам же в них вложил? Если люди хороши, потому что он создал их такими, то за что же их вознаграждать? Если он всемогущ, то как можно его оскорбить, как можно противиться его воле? Если он мудр, то за что же он станет гневаться на слепцов и безумцев, которым сам же предоставил свободу безумствовать? Если он неизменен, то на каком основании мы молим его изменить свои предначертания? Если он однажды высказал свою волю, то почему не убедил он в своем существовании весь мир? Если познание бога важнее всего, то почему же бытие его не очевидно для всех, без исключения?»³⁾

Какое море противоречий! Чтобы не потонуть в нем, теологи придумали особый аргумент. Бог непостижим, говорят нам они. Пути господни неисповедимы. Чтобы познать бога, надо самому быть богом. Разве глиняный сосуд спрашивает горшочника: почему ты меня создал так,

а не иначе, и что такое ты сам? Но если человек—не более как глина в руках божества, то у него не может быть к богу никаких отношений. Горшочник может разбить сосуд, но не может упрекать его за его недостатки. Мы назовем сумасшедшим горшочника, если он захочет наказать сосуд за его плохие качества, вместо того, чтобы переделать его соответственным образом»¹⁾.

А между тем, мы считаем естественным, чтобы бог наказывал человека за его несовершенства, вместо того, чтобы переделать его натуру. И этого-то бога мы называем Всеблагим!

«Но разве всемогущее существо, которое распоряжается всем по своему произволу, которое своими декретами делит людей на избранных и отверженных, одним дает вечное блаженство, других обрекает на вечную муку, существо, которое способно одним махом разрушить всю Вселенную,—разве это не тиран, не демон? Что может быть ужаснее тех выводов, на которые невольно наталкивают нас люди, старающиеся внушить нам любовь к своему богу, повиновение ему? Разве не лучше было бы для нас зависеть от слепой материи, от случая, от хаоса, от каменного или деревянного идола, чем от божества, одаренного Высшим Разумом, которое постоянно ставит ловушки людям, толкает их на грех, позволяет им совершать преступления—и все это только для того, чтобы доставить себе варварское наслаждение карать людей безмерно и бесконечно, без всякой пользы для себя, для них и для других смертных! Мрачным ужасом веет на нас от такого бога. Мы будем раболепствовать перед его всемогущей властью. Мы будем называть его добрым, чтобы умиловать его лестью. Но любить подобное божество мы не можем!»²⁾

Почему же большинство людей не замечает этих вопиющих противоречий? Почему они называют себя верующими? Только по традиции, по умственной лени: ведь легче поверить на слово, чем вдуматься, легче воспринять без рассуждения предрассудок, передающийся из поколения в поколение, чем подвергнуть его критической оценке.

«Народы всегда поклонялись богу своих предков лишь в силу традиции. Авторитет, слепая доверчивость, покор-

¹⁾ Стр. 65.

²⁾ Стр. 71.

³⁾ Стр. 298, т. II.

¹⁾ Стр. 74.

²⁾ Стр. 77.

ность и привычка заменяют им доказательства. Они молятся и падают ниц потому, что так учили их отцы. Но почему стали молиться отцы? Потому что некогда, в давно минувшие времена им вменили это в обязанность их правители и законодатели. Верьте и молитесь, говорили они, непостижимому для вас божеству. Можете положиться на нашу мудрость: нам известно о божестве гораздо больше, чем вам». Но с какой стати я должен вам верить? Потому что такова воля бога, «потому что бог накажет тебя заслушание». Но ведь этот бог-то и является спорным вопросом! Однако, люди не замечают этого заколдованного круга. Умственная лень побуждает их верить на слово другим. Все религиозные системы основаны на авторитете. Все, без исключения, религии строго запрещают критическое исследование, рассуждение. Духовенство требует веры в бога. Существование бога основывается на авторитете нескольких лиц, которые уверяют, что они близко знают бога и посланы им на землю, чтобы возвестить его человечеству. Неудивительно, что бог, созданный людьми, нуждается в людях, чтобы возвестить о себе миру»¹⁾.

Велика сила умственной косности! Люди по традиции обращаются к богу с молитвой. Но если бы они дали себе труд вдуматься в сущность молитвы, то увидели бы, что она сводится к следующему:

«О боже! Я знаю твою премудрость, твою бесконечную доброту. Но ты забываешь обо мне. Ты игнорируешь, действительно или притворно, мои нужды. Разве ты не видишь, что я страдаю от дивной гармонии, водворенной в мире твоими мудрыми законами? Законы природы, против твоей воли, делают мое существование тяжелым. Измени же, молю тебя, сущность вещей, установленную тобой. Сделай для меня так, чтобы элементы потеряли на некоторое время свои отличительные свойства. Сделай так, чтобы твердые тела не падали, чтобы огонь не жег, чтобы мой хрупкий организм, созданный тобой, не страдал ежеминутно от всевозможных раздражений. Исправь, молю тебя, для моего блага, общий план, начертанный твоей божественной мудростью на веки-веков»²⁾.

Так беспомощно бьется ум человеческий в сетях теологических вымыслов, пытаюсь изменить законы природы.

Но законы природы вечны и неизменны—и жалкие пред-
рассудки людские над ними не властны. Природа могла
бы ответить на молитву человека величавыми словами
поэта:

..По вечным, железным
Великим законам
Свой круг бытия
Должны неизменно
Вы все совершить" ³⁾.

ГЛАВА 9-я.

Сильнейшим доказательством существования бога принято считать распространенность идеи божества во всех странах и у всех народов. Нет ни одного дикаря, говорят нам теологи, который не знал бы религии и культа, который не носил бы бога в душе. Отсюда они делают вывод, что идея божества — врожденная идея. Этот вывод совершенно неправилен. Идея бога кажется врожденной потому, что она прививается нам с раннего детства и глубоко укореняется в нас привычкой, воспитанием, авторитетом. Наилучшим ручательством за то, что эта идея не врожденная, а приобретенная, служит ее изменчивость, относительность, разнообразие форм, которые она принимает в разные времена, у разных народов, и даже у разных людей. «Бог какого-нибудь племени дикарей обыкновенно представляет собой материальный предмет. Этот бог покажется очень смешным в глазах более цивилизованного народа. Последний мыслит бога как нечто духовное, нематериальное; бог цивилизованного человека относится к богу дикаря так, как городской житель, разодетый в роскошные пурпурные одежды с великолепным, художественно исполненным шитьем, относится к нагому или одетому в звериные шкуры дикарю. Какая огромная разница между грубым камнем, животным, деревянным идолом—и отвлеченным богом, наделенным современной теологией массой сложных атрибутов, среди которых теряется она сама! Но тонкий резонер-теолог, слывающий знатоком божества у цивилизованных наций, считает себя вправе насмеяться над язычником дикарем, негром, лапландцем—и не видит,

¹⁾ Стр. 293.

²⁾ Стр. 313.

что сам он преклоняется перед богом, существующем лишь в его собственном воображении»¹⁾).

Что касается универсальности идеи божества, повсеместного ее распространения—это еще не говорит за ее непогрешимость. Разве вера в колдовство и привидения не распространена по всему земному шару? Разве до Коперника не господствовало мнение, что земля неподвижна, а солнце вращается вокруг нее? Эти грубые предрассудки и ложные понятия были распространены повсеместно. Они исчезают при свете знания. То же можно сказать и о вере в бога. Она широко распространена потому, что везде и повсюду первобытный человек, не зная естественных причин явлений природы, обоготворял их и преклонялся перед ними. А затем это идолопоклонство передавалось в течение веков из поколения в поколение, развивалось и принимало различные формы.

Однако, есть смертные, которые уверяют нас, что видели божество собственными глазами. Это откровение, говорят нам теологи. Но те же теологи уверяют нас, что бог непостижим, и что постигнуть его для нас так же невозможно, как невозможно слепорожденному представить себе краски. Если так, то ясно одно. «Теологи—это слепые, которые хотят объяснить другим слепым оттенки и переливы красок портрета, оригинал которого недоступен им даже наощупь»²⁾. Да и как примирить откровение с божественной премудростью? Что это за премудрость, которая оставляет о себе в неведении род человеческий целые века, чтобы открыться лишь немногим избранным! Не свидетельствует ли это скорее о несправедливости и коварстве, чем о доброте и мудрости?

«Итак, мы видим, как идея божества, некогда порожденная невежеством и страхом, нашедшая опору в умственной лени и легковерии, взрощенная воспитанием, примером и привычкой, укрепленная авторитетом—стала священной и неприкосновенной. Мы получили ее по традиции, без критики, от отцов, воспитателей, священников и законодателей. Мы держимся за нее по привычке, никогда не подвергая ее исследованию. Мы считаем ее священной, ибо нас убедили, что она необходима для нашего блага, мы смотрим на нее как на врожденную, ибо она

привита нам с самого детства. Мы называем ее бесспорной, ибо никогда не имели смелости в ней усомниться. Если бы мы, по воле судеб, родились в Африке, то с таким же простодушием и невежеством боготворили бы змею, по примеру негров, как теперь боготворим отвлеченного и метафизического европейского бога. Мы точно так же возмущались бы наглецом, дерзающим оспаривать божественную природу этого пресмыкающегося, почтение к которому мы всосали с молоком матери, как возмущаются наши теологи, когда кто-либо отрицает чудесные качества, которыми они наделили своего бога. Однако, если позволительно усомниться в тех или иных заслугах негритянского бога—змеи, то, по крайней мере, нельзя отрицать его существование, в чем легко убедиться собственными глазами. Совершенно иное дело,—бесплотный, нематериальный, исполненный противоречий бог или богочеловек, измышленный нашими современными богословами. Хладнокровное размышление неизбежно приводит к тому, что его существование совершенно невозможно. При всем желании, нельзя представить себе существо, сотканное из абстракций и отрицательных качеств, другими словами, не имеющее ни одного качества, подлежащего суждению человеческого разума. От идеи такого существа давным давно не осталось бы следа, если бы у людей хватило смелости в нее вдуматься»¹⁾).

Но верить на слово легче, чем вдумываться. И люди позволяют убеждать себя то детски наивными доводами, то софизмами, шитыми белыми нитками. Приведем примеры таких софизмов. Нам говорят, что как по часам с тонким и сложным механизмом можно заключить о разумности сделавшего их мастера, так и по гармонии, царящей в природе, можно заключить о премудрости и всеблагости ее творца. Но прежде всего, это не соответствует действительности. В природе, наряду с гармонией, существует и дисгармония. Разве не рождает земля, вместе с прекрасными и сочными плодами, и ядовитые растения? Разве мало хищных зверей, смертельных врагов человека, наряду с полезными домашними животными? Разве теплое, ласковое дыхание южного ветерка не сменяется грозным, опустошительным ураганом? Разве, любуясь лесным ручей-

¹⁾ Стр. 92—93.

²⁾ Стр. 130.

¹⁾ Стр. 98—99.

ком, тихо журчащим среди душистых ландышей, мы можем забыть о страшных наводнениях, беспощадно разрушающих все на своем пути? Где же хваленая гармония? Мы видим, что, стремясь отыскать полную гармонию в природе, мы подходим к ней с узкой, антропоцентрической точки зрения. То, что нам представляется дисгармонией, на самом деле также необходимо с точки зрения великого целого, как и все прочее. Природа не нуждается в творце, ибо она существовала извечно.

Однако, говорят нам теологи, отрицая разумную волю творца, вы вместо нее подставляете слепой случай. А между тем объяснять все мироздание игрою случая так же нелепо, как приписывать случаю рождение великого произведения искусства. Из букв, разбросанных наудачу, нельзя составить Илиаду или Божественную Комедию. Разумеется, нельзя, ответим мы. Тут дело не в слепом случае, а в закономерности явлений. Как растение дает цветы и плоды в силу известных законов развития, так и художник дает миру прекрасную поэму или статую. Случай такое же пустое слово, как и бог. Расшифровывая эти ничего незначащие формулы, мы должны подставить вместо них одно понятие—необходимость.

Кроме вульгарного представления о личном боге, держащем в своих руках бразды вселенной, существует более тонко задуманная религиозная система. Ее называют деизмом. По понятиям, действов бог создал вселенную, подчинил ее известным законам, а затем, сообщив ей толчок к движению, удалился на покой. Теперь он не вмешивается в дела мироздания. Поэтому дейсты против всякого религиозного культа. Природа у них сливается в единое целое с разлитым в ней божественным началом и живет вечной жизнью, не нуждаясь в ежеминутных распоряжениях и воздействиях извне. «Дейстам нужен бог только для того, чтобы объяснить происхождение вселенной. Все дальнейшее является результатом толчка, данного им в самом начале. Бог пожелал создать мир. Но, находя ниже своего достоинства входить в детали управления миром, он предоставил его второстепенным, так называемым естественным причинам. Он ничуть не интересуется своими созданиями, которые ничем не могут нарушить его невозмутимого блаженства»¹⁾).

¹⁾ Стр. 219.

Но если так, то к чему же бог? Ясно, что бог действов—существо совершенно бесполезное. Это просто термин, придуманный людьми, не имеющими представления о неисчерпаемой мощи природы, для объяснения неизвестной им первопричины явлений. Итак, бог суеверных людей полон противоречий, бог действов совершенно не нужен. Признавая божество и отказываясь воздавать ему культ, дейсты еще более непоследовательны, чем суеверные люди. Люди боятся атеизма, как природа, по словам физиков, боится пустого пространства. Но как только они начинают искать чего-то вне природы, как только они апеллируют к богу—будь то бог вульгарных теологов, или более тонких действов—они перестают понимать что бы то ни было. А отсюда можно сделать лишь один вывод—что не только понятие, но и самое слово «бог» должно быть решительно вычеркнуто из нашего мышления.

ГЛАВА 10-я.

В предыдущих главах мы доказывали, что вера в бога основана на заблуждении, порожденном невежеством. Великий мыслитель Бэкон сказал: «Самая пагубная ошибка—это ошибка, возведенная в сан божества». Размышление убеждает нас в справедливости этих слов.

В самом деле, единственным критерием всех суждений и действий разумного существа должна быть их полезность. Подойдем к религиозным системам с этой точки зрения. Рассмотрим влияние религии на мораль, на политику, на развитие наук и искусств.

Благоприятствует ли религия развитию морали? Нет, ибо мораль должна объединять людей, а религия их разъединяет. Под влиянием религии, люди, вместо взаимной любви и поддержки, ненавидят, презирают и преследуют друг друга. Они зверски убивают друг друга из-за различных религиозных систем, одинаково в сущности нелепых. Малейшая разница в религиозных мнениях делает их врагами. Из-за тех или иных поповских выдумок возникает вражда между целыми нациями: правитель идет войной на своих подданных; граждане вооружаются против сограждан; родители ненавидят детей; дети бросаются с ножом на отцов; семейные узы рвутся; супруги, родствен-

ники бегут друг от друга. Словом, общество раздрается на части междоусобной войной, а между тем каждый из его членов, среди ужасных раздоров, утверждает, что он повинуется воле божией и нисколько не вменяет себе в вину совершаемых им преступлений»¹⁾.

Все сказанное относится в полной мере и к христианской церкви, якобы самой кроткой и праведной. Она одна совершила больше преступлений, чем все остальные религии, вместе взятые. Для христианской церкви существует один только способ оправдаться, отклонить от себя обвинение в жестокости и нетерпимости: это торжественное заявление, что она запрещает преследовать за религиозные мнения. Но ее служители никогда этого не сделают²⁾. Они, напротив того, делают все возможное, чтобы усилить религиозную рознь. Они провозгласили, что величайшее из всех зол—это несогласие с господствующей религией. Они беспощадно жгли на кострах за «ересь», считая все остальные преступления ничтожными по сравнению с этим.

На примере духовенства, служителей церкви, лучше всего видно, насколько религия не имеет отношения к морали. В самом деле, эти люди называют себя посредниками между богом и людьми. Они уверяют нас в своей постоянной близости к божеству. Казалось бы, эта близость должна сделать их гуманнее и добродетельнее всех прочих смертных. А между тем мы видим, что религия для них не более, как предмет торговли. Глядя на них, невольно думаешь, что эти люди меньше кого бы то ни было верят в кумира, которому они служат. «В руках духовенства всех стран божество уподобляется голове медузы, которая обращает в камень всех, за исключением того, кто ее показывает. В большинстве случаев священники не что иное, как обманщики, лучшие из них делают зло бессознательно»³⁾.

Однако, скажут нам, какое вам дело до священников! Берите за образец самого бога, как идеал высшей морали. Но как я могу брать за образец существо для меня непостижимое? И как могу я совместить в себе все те противоречивые качества, которыми теологи наделяют бога! Ведь он не только образец всех добродетелей, но также

и источник всего мирового зла. Желая подражать богу, я непременно должен стать кровожадным, ибо он постоянно требует жертв. Ведь даже кроткий бог христиан потребовал на заклятие своего собственного сына¹⁾.

Нам говорят, что религия обуздывает греховные страсти страхом наказания в будущей жизни и стремлением к небесной награде. Но разве среди верующих повсюду не преобладают злые над добрыми, грешники над праведниками? Разве преступники, гибнущие на виселицах и эшафотах,—атеисты? Нет, это верующие люди. И если их не мог удержать от преступления страх перед казнью, то еще менее может их удержать боязнь небесной кары—ибо религия обещает им прощение за грехи. Бог милостив, твердят священники, милосердие его безгранично. И человек действует по принципу: «Не согрешишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься.» Разве суеверие не внушает ему постоянно, что при помощи известных молитв, известных актов благочестия, он может умиливать разгневанного бога и заслужить полное его прощение? Разве духовенство у всех народов не владеет секретом непогрешимых средств для примирения с богом самого закоренелого грешника? В самом деле. Если он индус—брамины велят ему омыться с молитвою в священных водах Ганга. Если он магометанин—его пошлют на поклонение к могиле пророка. Если он христианин—его заставят поститься, исповедываться, прикладываться к мощам. Отсюда ясно, что религия нисколько не обуздывает страсти. Она скорее разнуздывает их постоянной надеждой на прощение.

Таково тлетворное влияние религии на мораль. Не менее губительно ее влияние на политику. Один из зловреднейших предрассудков, сознательно поддерживаемый духовенством,—это монархическая власть божьей милостью. «Разве служители всевышнего не внушают беспрестанно монархам, что они—образ и подобие бога на земле? Священники уверяют легковерный народ, что он должен терпеть величайшие несправедливости по воле божией, что удел его—страдание; что государь, подобно божеству, имеет неотъемлемое право располагать жизнью, свободой и имуществом подданных. И правители, отрав-

¹⁾ Стр. 237.

²⁾ Стр. 371.

³⁾ Стр. 241.

ленные ядом этого учения, воображают, что им позволено решительно все. Являясь представителями бога на земле, соперничая с ним в могуществе, они, по его примеру, правят с величайшим деспотизмом. Опьяненные лестью духовенства, эти тираны не сомневаются в том, что они ничем не связаны со своими несчастными подданными и никому не обязаны отдавать отчета в своих действиях¹⁾). Не надо забывать, что монархи, совершающие преступления по отношению своих подданных—отнюдь не атеисты: они действуют во имя божие, с благословения духовенства. «Привыкнув бояться одного бога, они действуют так, как будто им решительно нечего бояться»²⁾).

Монарх, развращенный религией и ее прислужниками, в свою очередь развращает целую нацию, подавляя в ней человеческое достоинство и воспитывая ее в духе низкопоклонничества и раболепства.

Итак, религия не дает основы ни для личной, ни для общественной морали. Более того: дух религии несовместим с моралью.

Но этим еще не исчерпывается вред, приносимый человечеству религией. Последняя несомненно препятствует прогрессу науки и задерживает победное шествие человеческого разума.

«Прирожденный враг опыта, теология, эта сверхъестественная наука, всегда была непреодолимым препятствием для развития естественных наук. Физике, анатомии, естественной истории разрешалось смотреть на вещи только через очки суеверия. Самые очевидные факты отвергались с негодованием, если их нельзя было примирить с гипотезами религии. Словом, теология всегда мешала счастью наций, задерживая прогресс человеческого разума, свободу мышления и свободу исследования. Она всячески старалась держать человека в невежестве. Разве сказать при исследовании какогонибудь физического явления, напр. вулкана, наводнения, кометы и т. д., что это знамение божьего гнева, т. е. явление сверхъестественное—это значит разрешить вопрос? Разве убеждая народ, что все бедствия, физические и моральные, которые на него сыплются, являются выражением воли божьей или наказанием за грехи—религия тем самым не мешает ему искать

средств против этих зол? Разве не разумнее искать их в самой природе, или в человеческом искусстве, нежели приписывать их какой-то таинственной силе, которой невозможно противостоять?»¹⁾

Итак, религия тормозит прогресс, задерживает стремление человечества к счастью. Друг человечества, желающий работать для блага ближних, должен стряхнуть с себя оковы религии и обратиться к природе. «Будем изучать природу, исследовать ее неизменные законы; постараемся понять основные свойства человека, излечить его от предрассудков—и мы незаметно приведем его к добродетели, без которой невозможно прочное счастье на земле»²⁾).

Добродетель, или, иначе выражаясь, мораль должна быть основана на человеческой природе, на знании потребностей человека. Сказать, что без религии человек не может быть моральным, это значит сказать, что без бога человек не может знать своих собственных потребностей. «Мораль есть не что иное, как наука об обязанностях человека, живущего в обществе»³⁾). Эти обязанности диктуются ему сознанием собственных потребностей, которые совпадают с потребностями других членов общества и в них же находят свои границы. Только повинаясь голосу природы, человек достигнет вершин морали. Что же говорит ему этот голос? Вслушаемся в него—и мы увидим, что его веления нередко резко расходятся с требованиями религии.

«Природа побуждает человека любить себе подобных, стремиться к самосохранению, к увеличению суммы своего счастья; религия повелевает ему любить одного только грозного бога, ненавидеть самого себя, жертвовать для своего страшного кумира самыми невинными и законными склонностями своего сердца. Природа указывает человеку на разум, как на вернейшего спутника и руководителя; религия учит его, что разум—источник разврата, что это

1) Стр. 286—287. В примечании к тем же страницам Гольбах приводит примеры религиозных гонений за научные мнения. „Епископ Зальцбургский Виргилий был осужден церковью за то, что он высказывал убеждение в существовании антиподов. Всем известно, какие гонения терпел Галилей за свое утверждение, что солнце не вращается вокруг земли. Декарт умер в изгнании за свои убеждения. Священники вполне правы, преследуя людей науки, ибо прогресс науки рано или поздно убьет суеверие.“

2) Стр. 258.

3) Стр. 267.

1) Стр. 241.

2) Стр. 241.

коварный советник, которым обманщик-бог вводит в заблуждение свои создания. Природа толкает человека на путь просвещения, поисков истины; религия запрещает ему всякое исследование, приказывает ему оставаться в невежестве, внушает страх перед истиной; она убеждает человека, что единственно важное для него знание—это познание отношений между ним и каким-то непостижимым существом. Природа говорит человеку, влюбленному в себя: умеряй свои страсти, борись с ними, когда они оказывают на тебя разрушительное действие, выставляя им противовес, взятый из опыта. Религия говорит чувствительному существу: будь бесчувственной массой, искореняй в себе страсти доводами, заимствованными из собственного воображения. Природа учит человека: будь общественным, люби своих ближних, будь справедливым, мирным, снисходительным, живи и жить давай другим. Религия приказывает ему: избегай общества, рви во славу божию самые священные узы, питай ненависть к своим собратьям, преследуй, терзай, убивай их, если они не желают повторять твоих бредней. Природа говорит человеку, живущему в обществе: стремись к славе, старайся заслужить уважение ближних, будь деятельным, мужественным, энергичным. Религия нашептывает ему: будь смиренным, малодушным ничтожеством, живи в уединении, предавайся молитве, благочестивым размышлениям, отбивай поклоны; будь бесполезен для себя самого и не делай ничего для других. Природа говорит супругу: люби подругу жизни, окружай ее нежными заботами; религия вменяет ему любовь в преступление и смотрит на брачные узы, как на нечто низменное и грязное. Природа говорит детям: любите и чтите своих родителей, будьте опорой их старости. Религия учит их: забудьте отца и мать, попирайте их ногами, когда дело идет о божестве. Природа говорит ученому: занимайся исследованием, посвяти свои силы родине, старайся делать научные открытия для ее блага. Религия говорит ему: предавайся бесплодным мечтаниям, бесконечным диспутам, углубляйся в дебри измышлений, сеющих вражду и раздор, упрямо защищай тезисы, в которых ты сам ничего не понимаешь. Природа говорит порочному человеку: красней своих пороков, стыдись своих позорных склонностей; знай, что даже самые тайные из них принесут тебе непоправимое

зло. Религия говорит самому закоренелому развратнику: старайся не разгневать неведомого тебе бога. Но если ты совершишь преступление—помни, что его легко умиливать. Иди в его храм, бросайся к ногам его служителей, старайся искупить свои злодеяния дарами, молитвами, постом и поклонами: эти важные церемонии успокоят твою совесть и оправдают тебя в глазах всевышнего»¹⁾.

Так учит религия—и так говорит природа.

ГЛАВА 11-я.

Мы показали, что вера в бога покоится на вредной химере. Отсюда ясно, что каждый мыслящий человек должен сбросить с себя оковы суеверия и притти к атеизму. Что такое атеист, при одном названии которого трепещут суеверные люди? «Если верить им, на свете нет ничего чернее сердца атеиста, нет ничего извращеннее его ума. Атеизм, по их словам,— это плод терзаемой угрызениями совести, которая хочет избавиться от того, что ее смущает. На атеиста не даром смотрят как на чудовище, как на редкого урода, позорящего род человеческий; он дерзает восставать не только против разума и природы человеческой, но и против самого божества»²⁾.

Так ли это на самом деле? Не убеждают ли нас как раз в обратном предыдущие главы? Не показывают ли они нам, что деятельность атеиста заслуживает всяческого уважения? «Атеист—это человек, который стремится к разрушению вредных для человечества иллюзий, противопоставляя им опыт, разум, природу. Это мыслитель, который, исследуя материю и связанную с ней энергию, вдумываясь в ее основные свойства и проявления, приходит к выводу, что для объяснения явлений природы нет надобности в каких-то отвлеченных силах, в каких-то вымышленных существах, ибо последние не только не способствуют объяснению природы, но делают ее, наоборот, совершенно непостижимой, недоступной и бесполезной для человечеству»³⁾.

Таков истинный атеист, т. е. человек, свободный от всяких иллюзий, отрешившийся от веры в бога. Однако,

¹⁾ Стр. 277.

²⁾ Стр. 330—331.

³⁾ Стр. 323—324.

в действительности атеистами нередко называют верующих людей, идущих против общественного религиозного культа. Так Сократ, веривший в единого бога, был атеистом в глазах афинян¹⁾.

Главный упрек, выдвигаемый против атеизма, заключается в том, что атеизм несовместим с моралью. «Атеист, по словам теологов, не может быть нравственным. Добродетель для него химера, честность—пустой звук, верность слову—не больше, как наивность... Для него не существует ничего, кроме собственного интереса. А если руководствоваться одним интересом, то совесть становится предрассудком, закон—иллюзией, право—заблуждением. Человечность теряет свою основу; все общественные узы рушатся; верности и преданности не существует; друг готов изменить другу, гражданин предать отечество, сын—убить отца, чтобы воспользоваться наследством..... Самые неотъемлемые права, самые священные законы превращаются в пустые призраки»²⁾.

Посмотрим, насколько справедливы эти обвинения. Мы доказали уже, что мораль несовместима с религией. Теперь мы докажем, что она вполне совместима с атеизмом.

«Будем отвечать теологам по пунктам. Атеист знает природу и ее законы, знает свою собственную природу и ее свойства. Атеист руководится опытом—и этот опыт ежеминутно ему показывает, что порок может ему повредить, что самые тайные его порочные склонности могут стать явными. Тот же опыт показывает ему, что общество необходимо для его счастья, что в его интересах преданность отечеству, которое его охраняет и дает ему возможность пользоваться различными благами. Все убеждает его в том, что он должен внушить к себе любовь, чтобы быть счастливым, что в отце он должен видеть самого верного и преданного друга, что неблагодарность оттолкнет от него друзей; что справедливость необходима для поддержания всякого коллектива; что один человек, даже самый могущественный, не может быть доволен собой, если он является предметом общественной ненависти. Всякий, кто размышлял над собой, над человеческой природой вообще,

над своими потребностями, над средствами к их удовлетворению—не может не знать своих обязанностей, как по отношению к самому к себе, так и по отношению к другим. Следовательно, у него есть нравственность; у него имеются реальные причины действовать сообразно с моралью; он сознает необходимость исполнять свои обязанности; и если рассудок его не ослеплен страстями или пороками, он понимает, что нравственность—вернейший путь к счастью. Атеист или фаталист основывает свою систему на необходимости. Поэтому их правила нравственности отличаются гораздо большей устойчивостью и неизменностью, чем те, которые исходят из понятия божества, весьма зыбкого и меняющего свое содержание у различных племен и народов, соответственно страстям людским. Природа вещей и законы природы неизменны. Атеист всегда называет пороками и безумием то, что вредит ему самому, преступлением—то, что вредит другим, добродетелью—то, что им полезно и способствует их счастью.

Из сказанного очевидно, что принципы атеиста гораздо тверже, чем мнение энтузиаста, который хочет вывести правила морали из идеи воображаемого существа, постоянно меняющего свою форму в его собственном мозгу. Если атеист и отрицает существование бога, он, во всяком случае, не может отрицать ни своего собственного существования, ни существования себе подобных. Он не может сомневаться в том, что между ним самим и ближними есть какие то отношения, а из них вытекают известные обязанности. Стало быть, он ни в каком случае не может подвергать сомнению принципы морали, ибо мораль есть не что иное, как наука о взаимоотношениях людей, живущих в обществе»¹⁾.

Атеизм не только вполне совместим с моралью. Более того. Атеист несравненно более верующего человека заинтересован в соблюдении нравственности. Он не ждет никаких благ от будущей жизни. Он охотно готов предоставить небо ангелам и воробьям и положить все свои силы на устройство земной жизни, на завоевание счастья на земле. А прочное счастье для человека—животного общественного—невозможно без работы на благо общества, т. е. без нравственности.

¹⁾ Если бы Гольбах жил в конце XIX века, он, по всей вероятности, привел бы в пример истинно верующего христианина Льва Толстого, отлученного за безбожие от православной церкви.

²⁾ Стр. 339.

«Всякий здравомыслящий атеист чувствует себя заинтересованным больше чем кто бы то ни было в соблюдении нравственности. Не видя ничего за пределами земного существования, он старается устроить свою жизнь мирно и счастливо без тревог и нравственных мук... У человека есть обязанности по отношению к человеку не потому, что своим дурным поведением он оскорбил бы бога, а потому, что этим он оскорбил бы человека и нарушил бы законы справедливости, поддержание которых—в интересах всякого человеческого существа»¹⁾.

Атеизм безнравственен, проповедь атеизма есть зло, говорят нам. Мы видели, сколько кровопролития, сколько человеко-ненавистничества всегда возбуждали религиозные диспуты. Но где же примеры зла, причиняемого писаниями атеистов? «Мирный Эпикур не смутил покоя Греции; поэма Лукреция не вызвала гражданской войны в Риме. Произведения Спинозы не причинили вреда Голландии; писания Гоббса не вызвали кровопролития в Англии. Словом, можно сказать, что все произведения атеистов, как древних, так и современных, никому не причинили зла, кроме своих авторов, на которых они часто навлекали самые жестокие гонения»²⁾.

Однако, есть люди, которые, утратив всякую веру для себя, утверждают, что религия необходима для народа. «Они говорят, что религия необходима народу, как сдерживающее начало. Но рассуждать таким образом, это значит думать, что народу необходим яд, что его полезно отравлять, чтобы удерживать от всяких злоупотреблений. Это значит утверждать, что народу необходимо внушать нелепые бессмысленные идеи, способные его ослепить и отдать во власть фанатикам и обманщикам, которые воспользуются им, как орудием для своих целей»... Да и кого может удержать от пороков религия? «Именно в тех странах, где господствует суеверие, мы встречаем самые развращенные нравы. Нравственность несовместима с неве-

жеством, суеверием, рабством... Чтобы сделать граждан нравственными, надо их просвещать, развивать их ум, пробуждать в них сознание собственных интересов, научить их уважать свою собственную личность и бояться того, что постыдно, развивать в них идею чести. Только таким путем мы можем научить их ценить добродетель, а отнюдь не путем внушения религиозных предрассудков, уничтожающих их человеческое достоинство»¹⁾.

Итак, распространение атеизма в высшей степени благоприятно для человечества. В будущем, общество людей, зараженных религиозными предрассудками, должно смениться обществом атеистов. «Общество атеистов, свободное от оков религии, отрешившееся от пустых иллюзий и вредных химер, управляемое хорошими законами, подготовляемое к жизни хорошим воспитанием—будет несравненно честнее и нравственнее, чем общество религиозных людей, где вся среда и все условия ослепляют ум и развращают сердце»²⁾.

Таков идеал будущего свободного общества.

* * *

Мы проследили философские, общественные и религиозные взгляды Гольбаха. Мы видели, как все они слагаются в стройную систему, в которой атеизм является лишь последним звеном, заключительным аккордом, строго гармонирующим со всем целым. В настоящей работе мы неоднократно излагали сущность этого мировоззрения. В заключение, формулируем его еще раз словами самого автора:

«Наше учение основано на фактах. В себе и вскруг себя мы не видим ничего, кроме материи—и отсюда мы заключаем, что материя способна мыслить и чувствовать. Мы видим, как в природе все происходит по определенным механическим законам, мы наблюдаем известные свойства, комбинации, изменения материи—в них, и только в них, мы ищем объяснения явлений природы. Мы представляем себе Вселенную в виде единого целого, где все связано, и каждое явление, каждая реакция происходит

¹⁾ Стр. 349-350.

²⁾ Стр. 352. Эпикур—древне-греческий философ материалист и атеист, живший в 4 веке до Р. Х. По Эпикуру цель жизни состоит в умственных наслаждениях. Лукреций—римский философ, живший в 1 веке до Р. Х.—в своем знаменитом сочинении «О природе вещей», талантливо изложил философию Эпикура. Спиноза—знаменитый голландский философ, живший в 17 веке. Спиноза отрицал личного бога и отождествлял бога с природой (пантеизм). Гоббс—английский философ—атеист XVII в. Последние два мыслителя часто подвергались преследованиям за свои сочинения.

¹⁾ Стр. 355.

²⁾ Стр. 379.

от естественной причины, известной нам или неизвестной, которая действует согласно неизменным законам»¹⁾).

В последней главе 2-го тома «Системы Природы» Гольбах говорит:

«Писатель не должен работать только для своей эпохи, своей родины и своих сограждан. Он должен обращаться ко всему человеческому роду, он должен трудиться для будущих поколений. Напрасно будет он ждать признания от современников, напрасно будет льстить себя надеждой, что семена его идей проникнут в незрелые и предубежденные умы. Если он прав, потомство отдаст ему должное. А пока он должен довольствоваться сознанием исполненного долга и тайным сочувствием немногих друзей»²⁾).

Гольбах был прав: потомство отдало ему должное. Оно ставит его в ряду благородных мыслителей, способствовавших своими трудами прогрессивному развитию общественных форм и освобождению человеческого ума от вековых предрассудков. Мы видели, как далек материализм Гольбаха от того вульгарного толкования, которое приписывает материалистам грубый эгоизм и склонность к чувственным наслаждениям. Основывая свою мораль на личном интересе, он подчиняет ее интересам общественного целого. Социально-политические взгляды и идеалы Гольбаха, в своих существенных чертах, совпадают со взглядами других французских просветителей, сыгравших огромную роль в подготовке Великой Революции. Но есть одна область, в которой Гольбах несравненно самобытнее и оригинальнее других просветителей— это область религиозных воззрений. В то время, как наиболее передовые его современники не решаются касаться основных вопросов религии, тщательно обходя их в своих сочинениях, или набрасывая на них покрывало деизма, Гольбах смело и решительно сбрасывает этот покров и подвергает критическому исследованию сущность веры. Он ведет нас вглубь истории, в эпоху первобытной культуры и показывает нам происхождение идеи божества. Острым ножом анализа он вскрывает таящиеся в ней противоречия. Он подводит итоги вредному ее влиянию на прогресс человеческого общежития. Ясно и убе-

дительно он доказывает нам, что вера в бога, порожденная слабостью и невежеством, должна рассеяться при победном движении человеческого разума. Сокрушая религиозные суеверия и предрассудки, развенчивая идею божества, Гольбах стирает потертую смиренную надпись на фронто́не разрушенного религиозного здания— «бог человеку—оплот»—и вместо нее водружает новый гордый девиз: «Человек человеку—бог!»

¹⁾ Стр. 395.

²⁾ Стр. 383.

Приложение.

Речь государственного обвинителя ¹⁾, на основании которой вынесен приговор парламента от 18-го августа 1770 года, присуждающий к сожжению следующие книги и брошюры: 1) „Священная зараза или естественная история суеверия“. 2) „Бог и люди“. 3) „О чудесах Иисуса Христа“. 4) „Критическое исследование защитников христианской религии“. 5) „Беспристрастное исследование главных религий“. 6) „Разоблачение христианства или исследование принципов и выводов христианской религии“. 7) „Система Природы или законы мира физического и мира морального“.

Обвинительный акт опубликован по приказу короля.

Господа!

Доколе будут злоупотреблять нашим терпением!— вскричал некогда римский оратор, в ту эпоху, когда республике угрожала клика заговорщиков, насчитывавшая в своих рядах виднейших граждан, наряду с презренной чернью.

Не должны ли мы обратиться с теми же словами к современным писателям, при виде того наступательного союза, который заключили почти все наши литераторы против религии и правительства? Ибо это ни для кого не тайна: преступная лига сама выдала свои намерения. Она ставит себе целью разрушить гармонию между различными сословиями государства, в основе которой всегда лежала тесная связь между церковью и политическим строем. Да, господа, с тех пор как искоренены ереси, не раз нарушавшие мир Европы, выступило из мрака но-

¹⁾ Самым красноречивым доказательством революционного значения деятельности Гольбаха служит приводимый ниже документ, который печатаем без комментариев, с некоторыми несущественными сокращениями.

вое учение, еще более опасное по своим последствиям, чем все прежние заблуждения. Среди нас возникла дерзновенная и нечестивая секта. Она украсила свое лжеучение именем философии. Прикрываясь этой пышной вывеской, она возомнила себя кладезем мудрости. Ее члены объявили себя просветителями рода человеческого: Свобода мышления—вот их боевой клич, которым они оглашают весь земной шар. Одной рукой они пытаются поколебать трон, другой—разрушить алтарь. Они стремятся уничтожить веру и изменить общественное мнение о религиозных и гражданских учреждениях—и вполне достигают своих целей. Их учение распространяется, число их сторонников растет. Монархии колеблются на своих вековых устоях; и нации, утратившие свои прежние принципы, сами изумляются происшедшей в них перемене.

Самые сокрушительные свои удары эти новаторы направляют против религии. Они хотят вырвать с корнем веру, развратить невинность и заглушить в душе всякую тень добродетели.

Во главе этих разрушителей веры стали люди, имевшие все данные, чтобы просветить своих современников. Они подняли знамя восстания, вообразив себе, что этим духом независимости увеличат свою славу. К ним присоединились группы второстепенных писак, лишенных всякого таланта и получивших известность лишь благодаря разнузданности своих взглядов.

В их произведениях отрицание веры порою является главным содержанием, порою примешивается к проповеди чувственных наслаждений, чтобы тем легче проникнуть в умы молодежи.

Они умеют привлечь на свою сторону чистые сердца, честные души, хитросплетенными доводами, якобы продиктованными самыми благими намерениями. И эти опасные взгляды тем более действуют на прямодушного читателя, что они проповедуются под флагом любви к человечеству.

Зловредная секта, о которой идет речь, пользуется всеми средствами для достижения своих целей. Стремясь развратить все и вся, она, если можно так выразиться, отравила все источники, из которых общество утоляло свою духовную жажду. Ораторское искусство, поэзия,

история, романы, даже словари¹⁾—ничто не избегло этой заразы. Она проникла даже в театры, которые усиливают действие этого яда на умы, благодаря стечению масс и духу подражательности. Словом, в настоящее время почти все так называемые философы, которыми кичится литература, являются смертельными врагами церкви. Правительство трепещет, терпя в среде общества эту секту безбожников, которая старается возмутить против него народы, под предлогом их просвещения.

Нет, мы не можем дольше покрывать молчанием этот поток произведений печати, сеющий по всей стране отрицание веры и презрение к законам. В то время, как мы их разыскивали и собирали, мы узнали, что те же злобредные сочинения обратили на себя внимание общего собрания духовенства Франции. Сам король сообщил нам, что епископы шлют к подножию трона горькие жалобы на возмутительную дерзость писаний, направленных против религии.

Вас, разумеется, не удивит, что, присоединяясь к этому высокочтимому собранию, мы приносим в храм правосудия те же жалобы и пожелания. Духовенство, охраняющее авторитет религии, и правительство, охраняющее авторитет монархии, должны взаимно поддерживать друг друга и общими усилиями—защищать религию от всяких посягательств. Защита религии входит в обязанности правительства уже потому, что эти посягательства направлены не только против церкви, но и против государства и что они угрожают в равной мере и порядку религиозному, и порядку гражданскому.

Благодаря безнаказанности, семена безбожия распространяются с величайшей быстротой. Злобредное учение сбрасывает маску, богохульство оглашает всю страну, безбожные писания распродают по высокой цене, которая только усиливает их соблазн. Даже женщины читают эти книги, отравленные ядом отрицания и безверия; пренебрегая своими священными обязанностями, они проводят всю жизнь в праздных размышлениях над ними.

Едва появившись в столице, эти пагубные писания обрушиваются, как лавина, на провинции, опустошая все на своем пути. Ничто не может избегнуть этой заразы. Она

¹⁾ Очевидно, намек на Энциклопедический словарь XVIII в.

проникает в мастерские, в хижины—и конец вере, конец религиозности, конец чистоте нравов! Прежней невинности нет и следа. Безверие своим тлетворным дыханием иссушает душу. Народ терпел нужду, но у него по крайней мере было утешение: теперь он удручен и трудом, и сомнениями. Он утешался надеждой на лучшую долю в будущей жизни, теперь он стонет под бременем тяжелых лишений и не видит им другого конца, кроме смерти и полного уничтожения¹⁾.

Таково, господа, содержание «Системы Природы»—книги, которую нечестивая секта называет величайшим произведением человеческого разума.

Вы, конечно, содрогнетесь от ужаса, припомнив всю цепь умозаключений этого автора. Он не видит ничего, вне физических предметов, и поэтому отрицает всякое духовное начало. Он хочет судить о самом творце природы по ее физическим явлениям. Не постигая в своем ослеплении всеблагото творца, он заключает отсюда, что все непостижимое не существует. Приходя к такому странному и нелепому выводу, он идет далее от софизма к софизму, от богохульства к богохульству, бросая дерзкий вызов религии и законам.

Этот писатель далеко превосходит своей дерзостью Эпикура, Спинозу и всех философов, или вернее, всех атеистов прошлых веков. Последние, по крайней мере, набрасывали покрывало на свое возмутительное учение. Иногда они лишь высказывали сомнение в существовании бога и тем самым как бы его признавали. Автор же «Системы Природы» открыто и решительно объявляет, что бога нет и быть не может. Он хочет утвердить господство материализма и фатализма. В глазах этого святотатца, бог—не что иное, как существо вымышленное, вредный предрассудок, порожденный страхом, возведенный обманщиками, распространившийся благодаря невежеству и трусости, укрепившийся при помощи деспотизма... Этот ужасный призрак якобы одурманивает умы, является источником рабства народов и всех бедствий рода человеческого. В виду этого, все философы и все благосмыля-

¹⁾ Разрядка наша. Далее следует резюме первых шести сочинений, указанных в обвинительном акте, и подробное изложение «Системы Природы», которое мы опускаем.

шие люди вообще должны свергнуть его владычество и вернуть людей в лоно природы, т. е. толкнуть под иго слепой необходимости.

Итак, автор «Системы Природы» учит, что нет ни провидения, ни свободы, ни бессмертия души, ни будущей жизни, что вселенная—порождение необходимости, игрушка в ее руках, что божество—нелепая химера, которая является источником всех зол. Но ему мало этого зловредного учения: не довольствуясь им, безумец дерзает подрывать основы общества и нападать на лиц, облеченных верховной властью.

По его мнению, лица стоящие во главе нации—не что иное, как узурпаторы, присвоившие себе пышный титул представителей бога только для того, чтобы безнаказанно и деспотически распоряжаться страной. Согласие между духовенством и монархической властью в его глазах—не более, как союз против рода человеческого.

Он хочет убедить народы, что у королей нет и не может быть над ними никакой власти, кроме той, которую они сами же ему вручили. Он утверждает, что народ вправе ограничить власть монарха, потребовать у него отчета, и даже лишить его власти, если она не соответствует интересам народа. Навязывая народу какие то воображаемые права, он уверяет, что народ достигнет счастья только тогда, когда ограничит власть своих монархов и заставит их считать себя лишь представителями народа и исполнителями его воли.

Анархия и свобода—вот ужасная пропасть, куда безбожники толкают народы. С этой целью они и стараются уже давно разрушить все узы, привязывающие человека к его обязанностям.

Неужели это нечестивое учение осмелится прикрываться маской мудрости и любви к общественному благу? Неужели оно осмелится говорить о своем уважении к каким бы то ни было законам, о своем стремлении к счастью человечества? Нет! Ибо мы доказали, что оно враждебно народам и королям—так же, как и самому богу.

Наши общие принципы приобретают новую силу, если их применить к святой религии, которую мы имеем счастье исповедывать. Не говоря уже об ее небесном происхождении, даже интересы земной политики побуждают нас сохранить ее в таком виде, как она укрепилась меж-

ду нами. Какими же глазами мы должны смотреть на тех, кто хочет нарушить чистоту религии? Разве бич религии это не бич государства? Разве и то и другое не покоится на общем фундаменте? Если мы вспомним, что наша священная религия составляет часть нашей конституции, что ее законы имеют свое выражение в гражданских законах, что у нее есть свои права и привилегии, что между христианином и гражданином существует тесная связь, то мы пойдем без труда, что нельзя нападать на религию, не возмущая общественного спокойствия, не нанося удара политическому строю. А отсюда ясно, что безбожный писатель, проповедующий отрицание веры, виновен в оскорблении величества, как земного, так и небесного, и что враг бога есть также враг человека и общества.

«Система Природы» и подобные ей сочинения имеют в виду не только подорвать христианскую религию, но и разрушить до основания всякую веру, всякий страх божий, всякую связь между небом и землей, словом, стереть с лица земли малейший след какой бы то ни было религии—естественной или данной откровением. Но этому возмутительному учению не достаточно вырвать с корнем веру в бога. Его беспокойный дух стремится к ниспровержению всего нашего политического строя. Он не успокоится до тех пор, пока не передаст всю исполнительную и законодательную власть в руки большинства, пока не уничтожит необходимое неравенство между общественными группами и сословиями, пока не ограничит власть королей и не передаст ее в руки слепой черни—словом, пока не ввергнет весь мир в пучину анархии.

Но как люди, задумавшие этот гнусный план, могли льстить себя надеждой, что им удастся осуществить его на глазах властей перед храмом правосудия, равно охраняющего законы религии и основные принципы монархии? Неужели они воображали, что их нечестивые, черные замыслы ускользнут от вашего взгляда, что им удастся ослабить вашу энергию интригами, клеветой и всевозможными ухищрениями, которые они пускают в ход для расширения своего лжеучения?

Нет, господа, ничто не в состоянии остановить занесенную руку правосудия! К каким бы хитростям и угрозам ни прибегали сторонники этого безбожного учения,

они не избегнут мудрой кары, они встретят суровых обвинителей в лице блюстителей правосудия! Вы не заражены ядом нечестивых учений. Он не ослабил спасительной суровости, которая характеризует истых слуг правосудия: все может измениться вокруг них—они одни остаются неизменными вместе с законом.

Нам говорят, что борьба с этим учением задерживает прогресс наук и, особенно, развитие естествознания. Но разве, не желая задерживать прогресса человеческого разума, мы должны позволить ему разрушить все на своем пути? Неужели он свободен только тогда, когда сбрасывает с себя всякую узду? Нет! есть узда, к которой он должен приспособиться, которая нисколько не мешает его поступательному движению. Делая общим достоянием бредовые идеи заблуждающегося ума, мы, несомненно, совершили бы преступление. Это преступление не только не могло бы способствовать прогрессу наук, но задержало бы его, благодаря безумным иллюзиям, благодаря смутам, которые сеет повсюду эта необузданная свобода.

Разве не то же роковое злоупотребление свободой мышления породило множество взглядов, сект, партий, родило тот дух независимости, результаты которого испытали другие нации, в виде зловещих революций?

То же злоупотребление вызовет во Франции, быть может, еще более губительные последствия. Дух безграничной свободы найдет в наших национальных чертах, в подвижности нашей нации, в ее любви к новшествам, благоприятные условия для подготовки самых ужасных революций. Этот дух свободы уже заразил нас своим тлетворным дыханием. Он искажил присущие нашей нации кротость и доброту. Он привил почти всем сословиям развращенные нравы, злокачественные принципы, подозрительный язык, незнакомый нашим предкам.

При таком положении вещей, только спасительная строгость может положить предел дерзости авторов, возмутительной деятельности опасной секты, все растущему брожению умов и, наконец, жадности типографов. Брожение проникает повсюду, дерзость превосходит всякие границы. Вы должны принять мудрые меры, чтобы прекратить дальнейшее распространение этой заразы. Вы должны разрушить планы этой лживой и горделивой философии, которая хочет овладеть умами только для того, чтобы

погубить, которая требует свободы мышления только для того, чтобы сбросить с себя всякие узы гражданские и политические. Вы должны успокоить справедливую тревогу, внушаемую родине и религии успехами безбожных учений. От вас зависит сделать так, чтобы Франция поддержала свою славу христианской нации, сумевшей сохранить на протяжении долгих веков христианскую веру во всей чистоте и неприкосновенности, а с ней и любовь к своим монархам. Только благодаря вашей твердости, Франция, своей двойной привязанностью к народам и королям—навсегда останется образцом для всех народов Европы! ¹⁾

1) „Système de la Nature“ Londres, 1771. Напечатано в приложении к книге.